

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ**

ФІЛОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

КВАЛІФІКАЦІЙНА РОБОТА МАГІСТРА

**ЛІНГВОКОГНІТИВНА ХАРАКТЕРИСТИКА ФЛЕКТИВНОЇ
НЕДОСТАТНОСТІ МОРФОЛОГІЧНИХ ПАРАДИГМ РОСІЙСЬКОГО
ДІЄСЛОВА**

**(ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЛЕКТИВНОЙ
НЕДОСТАТОЧНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ РУССКОГО
ГЛАГОЛА)**

Виконала: студентка 2 курсу, гр. 8.0359 р/з спеціальності 035 “Філологія”, освітньої програми “Російська мова і зарубіжна література. Друга мова”, спеціалізації 035.034 “Слов’янські мови та літератури (переклад включно). Перша – російська”

_____ О.В. Шовкопляс

Керівник _____ доцент І.Л. Мацегора

Рецензент _____ доцент Т.О. Хейлік

ЗАПОРІЖЖЯ
2020

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

Факультет *філологічний*
Кафедра *слов'янської філології*
Рівень вищої освіти *магістр*
Спеціальність *035 “Філологія”*
Освітня програма *“ Російська мова і зарубіжна література. Друга мова ”*
Спеціалізація *035.034 “Слов'янські мови та літератури (переклад включно).
Перша – російська”*

ЗАТВЕРДЖУЮ

Завідувач кафедри _____

Павленко І.Я.

“ ____ ” _____ 2020 року

З А В Д А Н Н Я
НА КВАЛІФІКАЦІЙНУ РОБОТУ МАГІСТРА

Шовкопляс Оксані Василівні

1. Тема роботи: *Лингвокогнитивная характеристика флективной недостаточности морфологических парадигм русского глагола,*
керівник роботи - к. філол. н., доц. Мацегора І.Л.
затверджені наказом ЗНУ від “26 ” травня 2020 року № 611-с

2. Строк подання студентом роботи: 23.11.2020 р.

3. Вихідні дані до роботи: *данные толковых и толково-грамматических словарей современного русского языка, научные работы Е.С. Кубряковой, В.И. Бесединой, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова и др., посвящённые исследуемой проблеме.*

4. Зміст розрахунково-пояснювальної записки:

1) Грамматический уровень языковой системы в аспекте когнитивных исследований;

2) Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке;

3) Когнитивная интерпретация периферийных явлений морфологической парадигматики глагольного слова.

5. Перелік графічного матеріалу: _____

6. Консультанти розділів роботи

Розділ	Прізвище, ініціали та посада консультанта	Підпис, дата	
		завдання видав	завдання прийняв
1	<i>Мацегора І.Л., доцент</i>	01.10.2019	01.10.2019
2	<i>Мацегора І.Л., доцент</i>	01.04.2020	01.04.2020
3	<i>Мацегора І.Л., доцент</i>	01.09.2020	01.09.2020
<i>Введение, выводы</i>	<i>Мацегора І.Л., доцент</i>	01.11.2020	01.11.2020

7. Дата видачі завдання 01.10.2019 г.

КАЛЕНДАРНИЙ ПЛАН

№ з/п	Назва етапів написання кваліфікаційної роботи	Строк виконання етапів роботи	Примітка
1	<i>Сбор и систематизация материала</i>	<i>Октябрь 2019 г. – март 2020 г.</i>	
2	<i>Анализ научно-критической литературы по выбранной проблеме</i>	<i>Апрель-июнь 2020 г.</i>	
3	<i>Введение</i>	<i>Июль 2020 г.</i>	
4	<i>Раздел 1. Грамматический уровень языковой системы в аспекте когнитивных исследований</i>	<i>Август 2020 г.</i>	
5	<i>Раздел 2. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке</i>	<i>Сентябрь 2020 г.</i>	
6	<i>Раздел 3. Когнитивная интерпретация периферийных явлений морфологической парадигматики глагольного слова.</i>	<i>Октябрь 2020 г.</i>	
7	<i>Выводы</i>	<i>Октябрь 2020 г.</i>	
8	<i>Оформление работы, нормоконтроль</i>	<i>Ноябрь 2020 г.</i>	
9	<i>Защита работы</i>	<i>Декабрь 2020 г.</i>	

Студент

_____ (підпис)

_____ (прізвище та ініціали)

Керівник роботи

_____ (підпис)

_____ (прізвище та ініціали)

Нормоконтроль пройдено.

Нормоконтролер

_____ (підпис)

_____ (прізвище та ініціали)

РЕФЕРАТ

Текст квалификационной работы магистра 74 страницы, 75 источников.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: глагольные лексемы, характеризующиеся формообразовательной спецификой, зафиксированные в толковых и толково-грамматических словарях современного русского языка.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: парадигматическая дефектность морфологических глагольных категорий и способы ее когнитивной интерпретации.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ: анализ когнитивных факторов образования глагольных морфологических парадигм, характеризующихся формообразовательной спецификой.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **ЗАДАЧИ:**

1. определить корпус глаголов, имеющих формообразовательную специфику
2. выяснить особенности морфологической структуры глагольной парадигмы путём выявления центральных и периферийных элементов;
3. выяснить специфику образования морфологических парадигм, связанную с языковой категоризацией;
4. рассмотреть когнитивные составляющие этапов речепорождения элементов глагольной парадигмы;
5. на материале дефектных и избыточных глаголов выявить закономерности когнитивных механизмов их образования

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: описательный метод, метод морфологических оппозиций, метод концептуального анализа, метод классификации.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА работы заключается в применении методик лингвокогнитивного анализа к исследованию отдельных фрагментов морфологического уровня языковой системы

ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ: заключается в возможности применения результатов исследования при изучении курса морфологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и в практической деятельности филолога-русиста.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА, ФЛЕКТИВНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ, ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ, КОГНИЦИЯ, ФРЕЙМ, АКТУАЛИЗАТОР

ABSTRACT

The qualified master's work: 74 pages, 75 sources.

THE OBJECT OF THE STUDY: verb lexemes that are provided in modern Russian explanatory and explanatory-grammatical dictionaries and characterized by formative specificity.

THE SUBJECT OF THE STUDY: the morphological verb categories' paradigmatic defectiveness and the ways of its cognitive interpretation.

THE PURPOSE OF THE STUDY: to analyze the cognitive factors of the verb morphological paradigms' formation which are characterized by the formative specificity.

THE OBJECTIVES OF THE STUDY:

1. To define the verbs' corpus with the formative specificity.
2. To find out the features of the morphological structure of the verb paradigm by identifying the central and peripheral elements.
3. To find out the specificity of the morphological paradigms' formation which is associated with the linguistic categorization.
4. To consider the cognitive components of the speech production stages of the verbal paradigm elements.
5. To reveal the patterns of the cognitive mechanisms' formation using the material of the defective and redundant verbs.

THE RESEARCH METHODS: the descriptive method, the method of the morphological oppositions, the method of the conceptual analysis, the method of the classification.

THE SCIENTIFIC NOVELTY: the applying linguo-cognitive analysis methods to study the individual fragments of the morphological level language system.

THE SECTOR OF USING: lies in the possibility to apply the research results studying the morphology course, the cognitive linguistics and the psycholinguistics using the results in the Russian philologist's practical activities.

**MORPHOLOGICAL PARADIGM, FLECTIVE INSUFFICIENCY,
GRAMMATIC CATEGORY, COGNITION, FRAME, ACTUALIZER**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ 1. ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	10
1.1. Сущность когнитивного подхода к анализу языковых явлений.....	10
1.2. Когнитивные аспекты описания грамматического яруса языка.....	16
РАЗДЕЛ 2. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ.....	20
2.1. Когнитивные аспекты описания системы частей речи	20
2.2. Структурирование концептуального содержания на морфологическом уровне	24
РАЗДЕЛ 3. КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА	34
3.1. Факторы флективной недостаточности, связанные с языковой категоризацией	34
3.2. Факторы флективной недостаточности, связанные с процессами речепорождения	47
ВЫВОДЫ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	75

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние лингвистических исследований характеризуется большим интересом к проблемам функционирования языковых единиц. Так, академик В.М. Алпатов отмечает, что до семидесятых годов XX столетия лингвистика в основном решала вопрос о том, как устроена языковая система, последняя четверть века характеризовалась решением проблемы, как функционирует система [2, с.50]. Можно предположить, что в будущем основным будет вопрос – что в самой системе позволяет ей функционировать так, как она функционирует, а не иначе. В этом плане многие проблемы, касающиеся, в частности, функционирования и моделирования парадигматических элементов различных частей речи, изучены недостаточно, в их исследовании только наметились определённые тенденции.

Парадигматические объединения разных частей речи и систем современного русского языка обуславливают усиленный интерес лингвистов к принципам организации этих группировок. Особенно интересным с этой точки зрения является глагол. Разноплановые подходы к изучению этого лексико-грамматического класса предполагают возможности формально-структурного, функционального и когнитивного анализа его элементов. Отдельные аспекты этой проблемы не теряют своей актуальности и на сегодняшний день, свидетельством чего является активизация исследований в этой области на протяжении последних двух десятилетий [6; 9]).

Глагольное слово обладает сложной семантической структурой, в которой в единый клубок переплетаются лексические, словообразовательные и грамматические значения. Ни одна часть речи не имеет такого набора грамматических категорий, каким обладает глагол. Среди остальных частей речи глагольное слово характеризуется самой разветвлённой системой грамматических форм. Если одно существительное может иметь двенадцать грамматических форм, а одно прилагательное (качественное) – семьдесят

восемь грамматических форм, то один глагол способен иметь до трёхсот девяноста пяти форм, а одна глагольная словоформа является носителем семи грамматических значений [18, с. 12].

В лексике русского языка преобладают многозначные глаголы с разветвлённой системой прямых, метафорических и метонимических значений и оттенков. В системе глагола исключительно широк диапазон действия регулярной полисемии. Глагол характеризуется разнообразием моделей переносного употребления слова. Все это вызывает постоянный и всё возрастающий теоретический и практический интерес к глагольному слову не только лексикологов, но и лексикографов и грамматистов [22; 36]. Недостаточно изучены взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений глагольного слова, с которыми связаны различные ограничения в реализации потенциальных возможностей грамматических категорий глагола, дефектность его словоизменительной парадигмы, отсутствие тех или иных грамматических форм глагольного слова. Выявление причин неполноты словоизменительной парадигмы, определение оснований закономерного отсутствия / вариантности конкретных морфологических форм глагола, выявление факторов, обуславливающих подобную формообразовательную специфику, важно не только для теоретического осмысления сложного семантического устройства глагольной лексемы, но и весьма существенно для лексикографической практики.

Вопросы формальной структуризации разных частей речи, в том числе и глагола как способа характеристики парадигматических особенностей словарного состава языка, остаётся в центре внимания многих исследователей, в частности, Ф.С. Бацевича [9], Н.А. Баракатовой [6], В.А. Плунгяна [59]. Однако в этих исследованиях рассматривается преимущественно глагольная лексика с точки зрения её функционально-ономасиологических особенностей [16] или морфологические парадигмы глагола, не характеризующиеся формообразовательной спецификой [22].

Работы, посвящённые исследованию формообразовательной специфики глагольных парадигм в контексте когнитивного анализа факторов их образования, в современном российском и украинском языкознании малочисленны.

Новый вектор дисциплинарных идей и представлений в лингвистике связан с изменением общей установки на познание природы объектов, в связи с чем классическая установка на знание уступает место неоклассическому подходу, ориентированному на понимание.

В лингвистике новая познавательная парадигма воплощается в антропоцентрическом, функциональном и когнитивном подходах к изучению языковых явлений, в выделении концепта как ментального образования, организующего смыслообразование и способы репрезентации знаний в соответствии с социокультурным опытом.

В работах учёных, где отражён когнитивный подход к исследованию языковых единиц, в качестве методов исследования активно продуцируются то, что можно назвать «сверхглубинной» семантикой [12; 15; 37] – с привычной для семантического (даже грамматического) исследования опорой на интроспекцию и суждения информанта относительно приемлемости / неприемлемости тех или иных языковых форм.

В то же время, в указанных работах внимание акцентируется на семантике языковых единиц, оставляя за пределами исследовательского интереса когнитивные особенности грамматических структур и их формообразующих элементов.

Данные соображения обуславливают **актуальность** темы магистерской работы.

Объект исследования: глагольные лексемы, характеризующиеся формообразовательной спецификой, зафиксированные в толковых и толково-грамматических словарях современного русского языка

Предмет исследования: парадигматическая дефектность морфологических глагольных категорий и способы ее когнитивной интерпретации

Цель работы: анализ когнитивных факторов образования глагольных морфологических парадигм, характеризующихся формообразовательной спецификой.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи:**

1. определить корпус глаголов, имеющих формообразовательную специфику
2. выяснить особенности морфологической структуры глагольной парадигмы путем выявления центральных и периферийных элементов;
3. выяснить специфику образования морфологических парадигм, связанную с языковой категоризацией;
4. рассмотреть когнитивные составляющие этапов речепорождения элементов глагольной парадигмы;
5. на материале дефектных и избыточных глаголов выявить закономерности когнитивных механизмов их образования

Методы исследования: описательный метод, метод морфологических оппозиций, метод концептуального анализа, метод классификации.

Научная новизна работы заключается в применении методик лингвокогнитивного анализа к исследованию отдельных фрагментов морфологического уровня языковой системы

Область применения: заключается в возможности применения результатов исследования при изучении курса морфологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и в практической деятельности филолога-русиста.

РАЗДЕЛ 1.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Сущность когнитивного подхода к анализу языковых явлений

Одной из наиболее эффективных и радикальных по своим претензиям инноваций в лингвистике на рубеже XX-XXI веков является когнитивная лингвистика, иногда называемая также когнитивной грамматикой. Термин «когнитивная грамматика» впервые употреблён Дж. Лакоффом [52]. Его идеи и наработки в данной области продолжили Д. Фодор и Р. Лангакер [72], «погрузившие» в когнитивную среду традиционную логико-грамматическую проблематику.

Когнитивная лингвистика, провозгласившая неразрывное единство языка и ментальной организации человека, превратила замечание Хомского о том, что язык может служить источником сведений о мышлении, в методологический принцип. Язык получил статус «окна» в человеческое сознание [74, с.96], а языковые структуры стали материалом для рассуждений о ментальных репрезентациях (ментальные модели Ф. Джонсона-Лэрда, ментальные пространства Ж. Фоконье, идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа, образные схемы М. Джонсона и др.) [цит. по: 60, с. 10]. В XX столетии отмечается постоянное расширение границ лингвистики, происходившее вследствие изменения представлений об объекте исследования. Описание системных свойств языка «в самом себе и для себя» сменилось в генеративной грамматике отказом от автономности языкознания, его сближением с психологией – с целью изучать язык «внутри человека». Однако идея автономности возникла вновь – на этот раз применительно к языковой способности. Хомский и его последователи выдвинули взгляд на язык как на отдельный модуль человеческого знания, который можно «вычлени́ть» и

исчерпывающим образом описать, не привлекая прочие знания и когнитивные системы. Этот подход, в свою очередь, подвергся жёсткой критике со стороны основоположников когнитивной лингвистики, провозгласившей в качестве своего фундаментального принципа связь языка с другими когнитивными способностями. Для них язык – уже не только когнитивная способность, но и когнитивный процесс [47, с. 9].

Возникновение когнитивной лингвистики было обусловлено не только ходом развития языкознания, но и – в более широкой перспективе – зарождением когнитивных исследований и становлением так называемой когнитивной науки. Усилиями ключевых фигур «когнитивной революции» – лингвиста Н. Хомского и психолога Дж. Миллера – была образована новая область исследований – психолингвистика, призванная изучать экспериментальным путём, как устроено знание языка (как язык «данному»), и проверять выдвигаемые лингвистами гипотезы. Психолингвистику, объединившую две дисциплины, можно рассматривать в качестве непосредственной предтечи когнитивной науки, продолжившей интеграцию различных областей знания [48, с.5]. Пытаясь определить предмет когнитивной науки, Е.С. Кубрякова отмечает, что это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведённых в определённую систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [49, с 34]. По мнению Е. С. Кубряковой, лингвистика не просто является одной из наук когнитивного цикла, а входит «в число системообразующих когнитивную науку дисциплин» [49, с.35].

В отличие от других дисциплин (прежде всего психологии), интересующихся преимущественно общими вопросами строения

человеческого мозга, когнитивная лингвистика уделяет основное внимание его концептуальному содержанию. Что люди знают о себе и о мире, откуда они знают то, что знают, как организовано это знание и как оно активируется (пускается в ход) – вот центральные вопросы, которые она исследует [42, с.5]. Ответы на них должен дать анализ языковых фактов. Возможность перехода от данных языка к выводам относительно когнитивных структур и механизмов зиждется на упомянутом выше программном тезисе о связи языка и когниции. Когнитивная лингвистика исходит из того, что познавательные механизмы и структуры сознания регулярно выражаются в языке. Поэтому язык признается ценным источником сведений о ментальной «инфраструктуре» человека, средством выявления и объяснения общих аспектов когниции [73, с. 18]. Когнитивисты рассматривают лингвистику в качестве науки когнитивной, а не гуманитарной или общественной, как принято считать [69,с.89].

Когнитивная лингвистика достаточно разнородна, что затрудняет выделение особенностей, единых для всех соответствующих концепций. Можно говорить о некоторых основополагающих принципах, которые неоднократно заявлялись и обсуждались в трудах классиков данного направления. Эти принципы носят достаточно общий характер, будучи обусловлены идеями когнитивизма и / или характерными («парадигмальными» [50, с. 206]) чертами современной лингвистики. Отметим наиболее значимые из них.

1) Языковая способность считается проявлением общих когнитивных механизмов, следовательно, через посредство языка можно изучать человека – его мышление, память, познавательные процессы и т. д. Лингвистический анализ не ограничивается описанием языкового поведения, но распространяется и на соответствующие ментальные состояния и процессы. Его цель – создание единой модели, объясняющей, как устроено языковое знание человека и как он его использует в процессах порождения и восприятия речи.

2) Подчёркивается центральная роль физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы. Рационализму формальных теорий, основанных на дуалистической концепции Декарта (картезианская лингвистика Хомского), противопоставляется эмпиризм как метод познания. В связи с этим выдвигается тезис о том, что мышление «воплощено» [30, с. 58], то есть неразрывно связано с телом человека, его анатомическими и физиологическими особенностями, перцептивным и моторным опытом. Подтверждение тому когнитивисты находят в языке, в частности при исследовании механизмов образности. Именно «воплощённостью» мышления, по их мнению, объясняются неудачи, связанные с моделированием искусственного интеллекта и автоматической обработкой языка.

3) Функционализм (ещё одна отличительная черта современного языкознания), несомненно, присущ когнитивной лингвистике, поскольку сфера ее интересов охватывает различные аспекты, связанные с использованием языка, — восприятие и порождение речи, интерпретация, запоминание и хранение информации. Когнитивная лингвистика изучает не языковую компетенцию, а употребление языка, язык в действии.

4) Основной предмет когнитивной лингвистики составляет языковое значение, так как именно оно является связующим звеном между языком и когницией. Поэтому словосочетания «когнитивная семантика» и «когнитивная лингвистика» нередко употребляются синонимично. В соответствии с когнитивным обязательством к семантическим исследованиям предъявляется требование психологической адекватности. Широкое освещение получают проблемы лексической семантики (механизмы семантической деривации, структура значений многозначного слова, образные средства языка). Экспланаторность, или установка на объяснение языковых фактов, резко контрастирует с позицией дескриптивистов о том, что дело лингвиста — констатировать то, что есть, а

объяснять – не его задача. Когнитивисты стремятся предложить интерпретацию как можно большему числу языковых форм, так как убеждены, что они (языковые формы) мотивированы тем, как человек понимает окружающий мир.

Что касается методов исследования, на первых порах в когнитивной лингвистике преимущественно практиковалась интроспекция, иногда привлекались данные опроса испытуемых. В этом не было ничего радикально нового, так как интроспекция традиционно признавалась и признается (хотя и негласно) в качестве допустимого методологического приёма в семасиологических исследованиях [31, с. 148] (исключение составляли некоторые радикальные структуралистские течения), а статистический опрос информантов был заимствован из экспериментальной психологии. Это объясняет категоричность заявления о том, что «разработанные подходы и результаты обогащают языкознание, но никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода» [40, с. 210]. На отсутствие у когнитивной лингвистики собственных исследовательских методов обращал внимание и П.Б. Паршин [58, с. 20], делая, впрочем, единственное исключение для анализа метафор в варианте, предложенном Лакоффом и Джонсоном [цит. по: 58, с. 21]. Иной точки зрения придерживалась Е.С. Кубрякова, которая, отмечая сосредоточенность когнитивной лингвистики на новых проблемах, новых областях анализа и новых «реальностях языка», утверждала, что собственный метод у данного направления есть и заключается он в постоянном соотношении языковых данных с другими опытными сенсомоторными данными [47, с.10]. В последние десять-пятнадцать лет ситуация существенно изменилась. В современной когнитивной лингвистике все чаще можно наблюдать использование эмпирических методов. Отдельно следует сказать о методе семантического картирования, который имеет близкое отношение к когнитивной лингвистике, так как сосредоточен на выявлении межъязыковых сходств и различий в области семантики. В структурном

плане семантическая карта представляет собой дискретную модель в виде графа, в узлах которого – единицы содержания (значения, функции), а на дугах – связи между ними. Карта отражает единую концептуальную структуру с общим набором параметров, которые могут быть выражены в различных языках (существование единой структуры является презумпцией соответствующих исследований).

На эту основу накладываются конкретные параметры, присущие тому или иному языку и являющиеся фактически выборкой из множества общих параметров. Полученные семантические карты являются удобным средством межъязыковых сопоставлений. Первоначально подобная визуализация применялась преимущественно в области грамматических значений: как для синхронических сравнений, так и для выявления общих направлений исторических изменений, в том числе путей грамматикализации. Вскоре метод стал популярен и получил широкое распространение в семантических исследованиях вообще, включая лексическую типологию, грамматику конструкций, моделирование полисемии.

1.2. Когнитивные аспекты описания грамматического яруса языка

Грамматика языка характеризуется как «структурированный реестр конвенциональных лингвистических единиц» [33, с.18]. Под единицей подразумевается тщательно отработанная структура (т.е. когнитивный шаблон)» [31, с.48]. Единица может быть очень сложной по своей внутренней организации, однако она проста в том плане, что представляет собой уже собранный блок, который говорящие могут использовать автоматически, не вникая в детали его строения. Примерами таких единиц может служить лексическая единица, установленный концепт, способность выразить конкретный звук либо последовательность звуков. Единицы, составляющие грамматику, представляют понимание говорящим лингвистических конвенций. Термин «конвенциональная структура» не

ограничивается, по мнению Р. Лангакера, произвольностью, немотивированностью или непредсказуемостью: лингвистические структуры образуют градацию по отношению к степени их мотивации, а подкласс структур, которые полностью мотивированы, или те, которые целиком произвольны, не наделяется связностью или специальным статусом. Говорящий оперирует всем спектром структур как интегрированной системой [72, с. 19].

Устанавливаются только три основных типа единиц: семантические, фонологические и символические. Символические единицы биполярны и состоят из символического отношения между семантической единицей (ее семантического полюса) и фонологической единицей (ее фонологического полюса).

Символические единицы не являются однородным классом – они весьма различны по ряду параметров (например, конкретности, сложности, продуктивности, регулярности) – но эти типы переходят один в другой, а не разбиваются естественным образом на дискретные, взаимопересекающиеся блоки. Грамматика (т.е. морфология и синтаксис) полностью укомплектована символическими единицами.

Описывая грамматику языка как реестр конвенциональных единиц, концепция когнитивной грамматики рассматривается рядом учёных как «не-порождающая» и «не-конструирующая» [72, с. 21]. Граматику нельзя с этих позиций рассматривать как алгоритмизированное средство, служащее целям порождения (или выдачи) «исключительно грамматических предложений языка», по крайней мере, если считается, что описание предложения включает полную семантическую репрезентацию. Причиной отказа от подобного рассмотрения является то, что весь набор языковых выражений не является ни хорошо определённым, ни алгоритмически вычисляемым, если не накладывать произвольных ограничений на область лингвистического описания и не делать необоснованных и, по-видимому, ошибочных предположений о природе языка.

Рассмотрение грамматики как порождающего и конструирующего средства требует предположения о том, что правильность грамматической формы имеет абсолютный характер, не допускающий каких-либо степеней правильности; исключения контекстуального значения из семантического описания; исключения метафоры и образного языка из описания грамматики; предположения, что семантическая структура полностью композиционна; и утверждения, что между семантикой и прагматикой (или между лингвистическими и экстралингвистическими знаниями) может быть сделано мотивированное разграничение.

Эти положения, как правило, принимаются, но не потому, что факты употребления языка требуют их принятия, а скорее, они принимаются главным образом по методологическим соображениям, поскольку нет другого способа сделать так, чтобы язык казался самодостаточной и описываемой алгоритмически системой.

Следовательно, грамматика языка с позиций когнитивистики рассматривается не как порождающий или алгоритмизированный механизм, она не строит выражений и не выдаёт их на выходе – это просто реестр символических ресурсов. Пользователь языка «эксплуатирует» эти ресурсы, а это уже деятельность, относящаяся к разрешению проблем и связанная с категоризирующими суждениями. Результаты этих действий опираются на весь массив знаний говорящего и его когнитивную способность и не являются, таким образом, алгоритмически вычисляемыми с помощью любой ограниченной, самодостаточной системы.

Пользователь языка привносит различные типы знаний и способностей в решение задачи построения и понимания лингвистического выражения; сюда входят конвенциональные символические единицы, представляемые грамматикой, общие знания, знание ближайшего контекста; коммуникативные цели, эстетические суждения и так далее. Как говорящий, так и адресат сталкиваются с проблемой декодирования: если они обладают необходимыми ресурсами, они должны успешно «вписать» событие

употребления в общий контекст. Семантический подкласс этого употребления идентифицируется как детальная концептуализация, которая составляет полное контекстное значение выражения, то есть то, как оно действительно понимается в контексте.

РАЗДЕЛ 2.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ

2.1. Когнитивные аспекты описания системы частей речи

В существующих концепциях и теориях частей речи главное внимание уделялось, естественно, критериям их выделения, да и различные направления в их исследовании определялись тем, какие из присущих им свойств считались конституирующими эти классы слов – морфологические или синтаксические, семантические или ономаσιологические.

Но даже представители двух первых направлений были вынуждены признать, что как грамматические категории, развиваемые отдельными частями речи, так и функции части речи, каким-то образом связаны с их семантикой или, скорее, с тем, что они именуют. Между тем рассуждения о роли словообразовательных критериев в опознании частей речи сводились чаще всего к тому, что каждая из частей речи подвергается определённым словообразовательным процессам, используя для их осуществления некие словообразовательные средства, прежде всего аффиксы. Аффиксы же, преимущественно суффиксы, оказываются нередко связанными с флексиями, образуя единые формативы, которые тоже могут свидетельствовать, как морфологические приметы, о категориальных характеристиках частей речи. Достижения в области теории словообразования сделали, однако, эту линию исследования не единственно возможной. Изучение словообразовательных процессов по их семантике и особенно функциям, анализ производного слова как мотивированного знака, отсылающего к другому знаку, его понимание как единицы со свойствами двойной референции – к миру действительности и к миру слов – позволили более широкую интерпретацию тех ономаσιологических структур, что фиксируются производными словами разных типов [50, с.182].

С конца 80-х и особенно с начала 90-х гг. в работах зарубежных исследователей тоже появляются мысли о необходимости изучения номинализаций в целях более адекватного понимания когнитивных оснований ЧР и отношений, складывающихся в разных системах языков между глаголом и существительным [75, с.167].

Наверное, ни у кого не вызывает сомнения факт исключительной важности категорий предметности, признаковости и процессуальности для описания семантики части речи. «Уроки прошлого» явно свидетельствуют о том, что именно этим, а не каким-либо другим категориям отводилась решающая роль в характеристике частей речи. Так, А.А. Шахматов указывал на то, что «различению частей речи соответствует природа наших представлений» и что среди частей речи одна соответствует «представлению о субстанции», другая – «представлению о качестве-свойстве» и, наконец, третья – представлению о «действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их» [цит. по: 25, с. 15]. С такой же четкостью пишет об этом и В.В. Виноградов: «Со стороны значения основные части речи, – пишет он, – характеризуются следующими противопоставлениями:

1) существительное как называющее предмет (субстанцию) противопоставлено всем другим частям речи – прилагательному, наречию и глаголу как называющим признак предмета или другого признака;

2) внутри частей речи, называющих признак, прилагательное и наречие, называющие непроцессуальный признак, противопоставлены глаголу, называющему процессуальный признак;

3) части речи, называющие признак, противопоставляются также друг другу в зависимости от того, называют ли они признак только предмета (глагол, прилагательное) или признак как предмета, так и другого признака (наречие)» [25, с. 437].

Отсутствие прямых соответствий указанного типа вынуждало многих учёных говорить о том, что концептуальные основания у разных частей речи

если и не отсутствуют полностью, то все же таковы, что не позволяют выделять части речи на их основе. Как и раньше, главным аргументом против когнитивной трактовки частей речи оставались якобы многочисленные примеры «нелогичного», «неправильного» подведения под определённую часть речи слов, которые не выражали как будто бы главной идеи «своей» части речи [41, с.28].

И, действительно, обратившись к эмпирическим данным, можно убедиться в том, что среди глаголов, которым приписывается способность выражать представления о процессуальных признаках единиц, есть и такие, которые скорее передают идею положения в пространстве (*сидеть, лежать*), а среди прилагательных, служащих обозначениям атемпоральных признаков, можно легко указать на атрибуты типа *изменчивый, преходящий, непостоянный* и пр. Наконец, среди существительных можно назвать массу не имеющих отношения ни к предмету, ни к субстанции (типа *бег, белизна, доброта* и т. п.).

На гораздо более сложные проблемы, связанные с понятийной принадлежностью слова, указывают когнитологи: «Глаголы, – пишут Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд, – часто определяют как слова, обозначающие действия. Но такое понятийное определение обычно сегодня отвергается, так как существует немало отклонений от него. “Знать” – это глагол, но это не действие, а “действие” – это существительное [цит. по: 56, с. 59].

Наконец, третий путь возникновения внутри класса слов с той или иной концептуальной особенностью новых рядов слов не просто с «отклоняющейся» семантикой, но и семантикой гибридной. Этим термином называются слова, ономаσιологическая структура которых включает в себя два разнородных категориальных начала, т.е. является обозначением предмета по его отношению к предмету или действию и т.д [52, с. 47].

Эти слова созданы в процессах словообразования (словопроизводства), и для того, чтобы объяснить их семантическое и когнитивное своеобразие, и

следует описать процессы словообразования как бы с новой точки зрения. Новизну подхода мы видим при этом в том, чтобы охарактеризовать цели и результаты словообразовательных процессов по тому, какие структуры знания был намерен отразить человек в процессах межчастеречной транспозиции и какие он зафиксировал при этом в виде производного слова.

Если уже в ономасиологической концепции словообразования М. Докулила образование производного слова трактовалось как подведение обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта, а эта категория формировала ономасиологический базис обозначаемого, то признавали здесь и то, что завершалась эта операция приписыванием базису определённого ономасиологического признака, формируемого основой мотивирующего слова. Из этого следовало, что ономасиологическая структура производного слова имеет принципиально двучастный характер и складывается из ономасиологического базиса, которому придан некий ономасиологический признак. Так, в слове *каменищик* усматривалось подведение слова под категорию носителя признака (лица), признаком же считалось указание на *камень* (как на предмет активного воздействия лица). Выразителем ономасиологического базиса считался суффикс *-щик*, выразителем признака (в философском смысле) основа *камен-*.

В качестве единиц, формирующих ономасиологические базисы производных слов, могли выступать не только суффиксы, но и другие морфологические приметы, например: *руль – рулить; супруг – супруга; зло – злой – злить; синий – синеть, синить*, а также целые лексические единицы, например: *лететь – перелететь* или *звук и ультразвук* и т.д.). Приписывание ономасиологического признака ономасиологическому базису происходит посредством особого ономасиологического предиката, откуда различия в семантической структуре таких дериватов, как, например, *ход, хождение, ходьба* или таких, как *чернь, чернота и чернила*. Так, чтобы описать семантику дериватов типа *танкист, фельетонист, гитарист* или *значкист*, нужно восстановить именно ономасиологический предикат (*водит танк,*

писать фельетоны, играть на гитаре, носить значок), а чтобы объяснить различие в значениях таких относительных прилагательных, как *сестрин, отцовский, клетчатый, носатый*, надо не просто указать на различие формирующих их суффиксов, но и связать с каждым из них определённый выражаемый им «предикат» (*принадлежать, состоять, обладать* и т. п.).

2.2. Структурирование концептуального содержания на морфологическом уровне

Концептуальная система представляет собой все многообразие концептов, которыми человек оперирует, как в процессе обработки поступающей к нему информации, так и в процессе речемыслительной деятельности. Кроме того, она включает механизмы формирования и взаимодействия концептов, а также представления об отношениях между концептами и разнообразные средства их языковой репрезентации. Концептуальная система репрезентируется языковыми средствами различных уровней, с помощью каждого из которых объективируется только лишь определённая ее часть. Традиционно, ведущая роль в этом отводится лексике, хотя, как признается практически всеми лингвистами, наиболее важная часть концептуальной информации, наиболее существенные с точки зрения языка смыслы фиксируются в грамматике языка, и прежде всего в морфологии. Морфологическая система отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы, а морфологические категории являются средством объективации и репрезентации особого уровня категориальных значений. Следовательно, можно говорить о существовании особого типа репрезентации – морфологической репрезентации. Она подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. Последние обеспечивают концептуальную сетку, каркас для распределения концептуального материала, выраженного лексически и в определённом

смысле, обслуживают лексику [8, с.28]. Именно эта особенность обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями и лексическими тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания. Морфологические категории вследствие этого носят «глобальный, максимально абстрагированный характер и ориентированы в большей степени на уточнение и коррекцию в синтаксисе» [8, с.16]. Поэтому, по мнению Н.Н. Болдырева, большая часть категориальных значений выражается функционально, а в установлении статуса морфологических единиц возрастает роль синтаксических параметров [15, с. 47]. Категориальные значения, как отмечает Б.А. Серебренников, составляют часть «жёстко заданной рамки», т. е. стабильного компонента концептуальной системы. Именно этим категориальным значениям принадлежит роль в установлении обратных связей между языком и планом концептуального. А основополагающие стабильные значения (элементы смысла) кодируются с помощью грамматических (морфологических) показателей [64, с.86-87]. Однако совершенно очевидно, что только часть категориальных значений получает морфологическое выражение. Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстаёт в виде морфологически передаваемых концептов. Это понятие является центральным понятием в развиваемой концепции и используется для обозначения структур знания, передаваемых средствами морфологического уровня. Морфологически передаваемые концепты являются результатом «обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира» [4,

с. 46]. С учётом выделенных типов взаимодействия морфологические категории могут быть разделены на категории, отражающие взаимодействие человека с внеязыковой реальностью, т. е. с миром в самом широком смысле (преимущественно отражательные в терминологии А.В. Бондарко, или отражательно-ориентированные в терминологии Е.С. Кубряковой, например, род, время, лицо), и категории, отражающие взаимодействие человека с миром языка как особым, реально и объективно существующим материальным объектом (системно-ориентированные в терминологии Е.С. Кубряковой) [20, с. 68; 49, с. 15].

Категории, отражающие взаимодействие человека с миром в широком смысле, репрезентируют два основных уровня концептуализации в морфологии, соотносящиеся с предикативностью и сказуемостью. В соответствии с этим среди них можно выделить два типа категорий. Категории первого типа связаны с выражением предикативности как признака всего предложения-высказывания и ориентированы на то, что выходит за рамки непосредственно пропозиции. К этому типу относятся категории времени, лица (шире – персональности) и наклонения. Данные категории связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Иными словами, они показывают средствами языка связь человека с этими событиями и позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте реальности ирреальности. Из сказанного следует, что этот тип категорий основан на взаимодействии неязыковых и языковых знаний. Будучи связанными с реализацией предикативности, эти категории имеют в определённой степени «глобальный, всеохватывающий характер, регулярное формальное выражение, системно-парадигматический уровень реализации и формально-грамматический статус» [10, с.16]. Такой всеохватывающий характер предикативных категорий, по мнению Н.Н. Болдырева, обусловлен «универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем»

[16, с.86]. Описанное выше в большей степени относится к категориям времени и наклонения как характеризующим событие в его целостности. Любой глагол в предложении, высказывании, независимо от своей семантической принадлежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения. Категория же лица, в силу специфики строя современного русского языка, имеет «ограниченный» морфологический статус, сохранив только форму 3-го лица ед. числа, выражающую, скорее, грамматическую, согласовательную функцию. Другие значения этой категории реализуются на уровне синтаксиса с помощью дополнительных средств, в частности с помощью соответствующих местоимений в функции подлежащего.

Категории второго типа репрезентируют то, как связи между объектами реального мира отражаются в языке, тем самым представляя второй уровень концептуализации в морфологии – уровень выражения пропозициональных отношений, то есть соотносятся со сказуемостью. Сюда относятся глагольные категории числа, залога, аспекта, которые оформляют субъектно-предикатные отношения и больше ориентированы на языковые знания. Категории этого типа (особенно аспекта и залога) отличаются от категорий первого типа определённой избирательностью в плане семантики глагольных лексем. Выражение соответствующих грамматических значений (аспектуальных и залоговых), отражающих фазовую и субъектно-объектную характеристики событий, непосредственно связано с дифференциацией лексико-грамматических классов глагольных лексем. Категории, отражающие взаимодействие человека с миром языка, репрезентируют третий уровень концептуализации в морфологии – уровень собственно семантики языковых единиц, семантики, ориентированной на внешний мир и ее репрезентацию в языке. Они могут быть выделены в особый, третий, тип категорий, ориентированных на отображение связей, передаваемых категориями первых двух типов, в языке и их систематизацию. Они служат для «организации речевой деятельности, дискурса и «упаковки»

информации» Иными словами, морфологически передаваемые концепты представляют собой сложно структурированные компоненты знаний, коррелирующие, с одной стороны, с вербализованной частью концептуальной системы в сознании человека, а с другой – через вербализованные концепты, коррелирующие и с экстралингвистическим миром. В то же время, в отличие от лексически и фразеологически репрезентируемых концептов, морфологически передаваемые концепты, относясь к стабильной части концептуальной системы, ориентированы в большей степени не на внешний мир, а на внутренний строй языка, фиксируя то, как язык отражает мир.

Между морфологическими категориями и концептами, которые они репрезентируют, отсутствует одно-однозначное соответствие. В основе категории может лежать один концепт (категория числа), несколько концептов (категории вида, степеней сравнения), что может быть рассмотрено как следствие одной из общих тенденций, выделяемых Е.С. Кубряковой в развитии языковых категорий. Она называет это тенденцией к утере единого основания и дроблению её «фокусов» или же переосмыслению [50, с. 100]. В то же время один и тот же концепт может репрезентироваться несколькими категориями, что подтверждает идею о множественности воплощения когнитивных структур в языке. Так, например, идея времени, как отмечается большинством исследователей, находит языковую репрезентацию в морфологических категориях времени и вида, а также в категории таксиса. Однако в каждой из этих категорий она преломляется по-разному. Из этого вытекает важное для теории морфологической репрезентации следствие о том, что содержание концепта и содержание категории не совпадают (и не могут совпадать). В той или иной категории отображается только часть концепта. В частности, в морфологических категориях, скорее всего, репрезентируются наиболее существенные, базовые характеристики концептов, определяющие их

формирование как единиц концептуального уровня и имеющие важность для всего строя языка.

Отмеченный характер отношений между морфологическими категориями и передаваемыми ими концептами приводит к многообразию смыслов и форм их выражения, а также к наслоению категориальных смыслов (например, временных и аспектуальных) и возникновению сложных грамматических форм (в русском языке – система видо-временных форм). Внимание к когнитивному аспекту морфологии предоставляет новые возможности в исследовании проблемы морфологических категорий [3; 11]). Изучение ее с позиций когнитивной лингвистики позволяет рассмотреть морфологические категории и формы в более широком ракурсе, увязывая их с ментальными и познавательными процессами человека, с теми знаниями о мире и языке, которыми располагает человек, а также в преломлении к процессам морфологической репрезентации концептов.

Морфологическая репрезентация подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. В этом плане морфология отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной системы и репрезентирует фундаментальные концепты как наиболее существенные для построения всей концептуальной системы, те, которые организуют само концептуальное пространство, обеспечивают его упорядоченность и выступают как главные рубрики его членения. К числу таких концептов, получающих морфологическую репрезентацию, можно отнести, например, концепты время, количество, отношение и др. Категориальная часть концептуальной системы языка, репрезентируемая морфологически, предстаёт в виде морфологически передаваемых концептов, которые и обеспечивают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке.

Морфологически передаваемый концепт – это выраженная серией морфологических форм единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Данное определение раскрывает специфику основных характеристик и свойств морфологически передаваемых концептов, которая, с одной стороны, обуславливает необходимость рассмотрения морфологической репрезентации в языке с когнитивной точки зрения и, с другой стороны, создаёт основу для такого рассмотрения. Морфологические категории профилируют в содержании общего концепта наиболее абстрактные характеристики, которые и ложатся в основу формирования морфологически передаваемых концептов, представляющих собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания. Морфологически передаваемые концепты, в свою очередь, служат основой для формирования морфологических категорий как единства концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. Между составляющими содержание данных концептов смыслами и конкретными значениями морфологических форм вследствие профилирования устанавливается отношение репрезентации, представленное по принципу «фон – фигура» [12, с. 15]. Общее содержание морфологически передаваемого концепта является фоном, а значение морфологической формы – фигурой. Фон устойчив, и эта устойчивость создаётся за счёт присутствия в содержании морфологически передаваемого концепта именно базовых, наиболее общих характеристик. Фигура подвижна, изменчива, подвержена переосмыслению. Иначе говоря, применительно к морфологической репрезентации фигура подразумевает конкретное содержание, передаваемое морфологическими формами в разных контекстах. Поскольку содержание концепта динамично, то в речи он приобретает определённую конфигурацию, т.е. смысл. Основные смыслы, составляющие содержание морфологически передаваемого концепта, актуализируются через морфологические формы.

Именно в результате их активизации и формируются грамматические (точнее, собственно морфологические) смыслы, которые имеют обобщённый характер и требуют дальнейшего уточнения и конкретизации.

Уточнение и конкретизация морфологических смыслов происходит на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов, что приводит к образованию у морфологических форм различных лексико-грамматических смыслов. Необходимость привлечения дополнительных факторов связана с тем, что процесс формирования смысла, передаваемого любой языковой единицей в высказывании, оказывается интегративным и полифакторным. Это положение всесторонне аргументируется в рамках функционально-семиологического подхода [56, с. 98].

К числу факторов, взаимодействующих с морфологическими формами и влияющих на формирование лексико-грамматических смыслов, относятся: лексическая семантика соответствующих языковых единиц (семантический фактор), структура предложения-высказывания (синтаксический фактор), ближайший лингвистический контекст, т.е. контекст предложения-высказывания, объединяющий значения и формы единиц, входящих в него (контекстуальный фактор). В процессе формирования лексико-грамматических смыслов при их участии в общем концепте дополнительно активизируются характеристики, оказывающие влияние на формирование этих смыслов. Данное утверждение позволяет говорить о том, что для теории морфологической репрезентации положение о том, что морфология не просто и не столько передаёт собственные (морфологические) смыслы, но и, в первую очередь, служит базой для формирования широкого спектра других (в частности, лексико-грамматических) смыслов в рамках предложения-высказывания. Именно эта особенность предопределяет тот факт, что на уровне предложения (и на уровне языка в целом) морфологические значения не существуют изолированно, они органично вплетены в ткань языка и являются

необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности.

Другой причиной, объясняющей невозможность автономности морфологии, служит тот факт, что концептуальные характеристики, как правило, получают репрезентацию на различных языковых уровнях. При этом отсутствует жёсткое однозначное соответствие, при котором бы та или иная концептуальная характеристика имела закреплённое в языке средство репрезентации (например, только лексическое или только фразеологическое и т.д.). Одна и та же характеристика может репрезентироваться на разных уровнях с помощью различных средств, и одно и то же языковое средство может репрезентировать одновременно несколько характеристик. На каждом из уровней языковые средства репрезентации той или иной части концептуального содержания демонстрируют то, каким способом и в каких формах осмысляется мир человеком, а также то, какие характеристики окружающего мира фиксируются в тех или иных языковых формах. Тем самым, языковые средства различных уровней репрезентации раскрывают способы концептуализации мира в языке. Концептуализация в языке обнаруживает свою специфику на каждом из языковых уровней. Так, лексика непосредственно отражает картину мира и репрезентирует те её элементы, которые практически познаны и усвоены определённым языковым коллективом, говорящим на том или ином языке. Познание картины мира с необходимостью предполагает познание не только отдельных ее составляющих (предметов, явлений, их свойств), но и связей и отношений между ними. Это осуществляется с помощью синтаксиса, который представляет, как составные элементы картины мира связаны между собой.

Концептуализации подвергается и сам язык как один из объектов реального мира. Для этих целей служит морфология. Своеобразие концептуализации на уровне морфологии проявляется в том, что она

обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определённом смысле “обслуживает” лексику. Именно эта особенность, как неоднократно отмечалось, и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой - наличие скрытой грамматики как переходной зоны между собственно морфологическими категориями и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания. Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Под уровнями концептуализации в морфологии понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии. Их выделение связано с разграничением предикативности, сказуемости и собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов. Дифференциация данных понятий обусловлена внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий.

РАЗДЕЛ 3.

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА

3.1. Факторы флективной недостаточности, связанные с языковой категоризацией

Исследование формообразовательной специфики глагольных лексем в современном русском языке с позиций когнитивистики невозможно без обращения к факторам, которые связаны с процессами языковой категоризации мира и членением вербального замысла в процессе речепорождения. Поэтому для более детальной характеристики следует обратиться к когнитивной характеристике действия и деятельности как важнейших прототипических характеристик глагольных лексем. Именно они способны обнаружить наиболее глубокие, фундаментальные принципы бытия и взаимоотношений человека с миром, поскольку деятельность и действие сами относятся к числу таких фундаментальных принципов: через действие человек активно постигает окружающий его мир, а сам этот мир открывается человеку лишь тогда, когда становится для него действительностью.

Деятельность и действие соотносятся как общее и частное, так как структурные характеристики деятельности в полной мере оказываются присущими действию. Поэтому при реконструкции ментальных репрезентаций действий естественно обратиться, прежде всего, к структуре деятельности. В ней принято выделять шесть компонентов: субъект и объект, сам процесс, цель, средство и результат [62, с.151]. По мнению В.Г. Гака, структура деятельности включает в себя еще три компонента: временную и пространственные характеристики, а также качественные признаки деятельности [29, с. 77]. Будучи весьма полной, эта картина тем не менее не является исчерпывающей, прежде всего потому, что в ней не нашли

отражения системные связи между компонентами структуры действия, которые могут иметь принципиальный характер. Кроме того, структура действия предполагает наличие таких элементов, которые не свойственны деятельности вообще, будучи характеристиками, определяющими существо конкретного акта. В то же время некоторые из этих девяти компонентов оказываются факультативными или сводятся друг к другу. Например, качественные признаки конкретного действия явно содержатся в самом процессе, с самим процессом может совпадать и цель действия, вне структуры действия, по-видимому, может рассматриваться и его результат.

Важнейшие характеристики в структуре ментальных моделей действия – это факторы времени действия и его силы, интенсивности. Они также имеют обязательный характер: неслучайно количество действия в физике определяется именно через эти величины – «как их произведение» [46, с.48]. Фактор силы непосредственно связан с субъектом, в котором находится его источник, принадлежа ему, и входя, таким образом, в состав ядра. Однако в ментальной модели действия он оказывается переменной величиной, способной менять своё значение в достаточно широких пределах. Например, если сравнить шкалу интенсивности у глаголов речи, оставляя без внимания все стилистические и прочие коннотации лексем *шептать* – *бормотать* – *говорить* – *кричать* – *орать*, можно обнаружить, что ядру ментальной репрезентации действия принадлежит лишь сам фактор силы. Конкретные же значения, которые он принимает, явно принадлежат ее периферии.

Фактор времени отчуждён от субъекта и объекта, связываясь, с одной стороны, с процессом, а с другой – с силой. Время – также величина переменная, но шкала ее значений ограничена оппозицией: краткий (импульсный) → длящийся, имеющей уже не языковой, а собственно структурный характер. Являясь обязательным в структуре ментальных моделей действия, но, не являясь ее константой, фактор времени, таким образом, занимает в ней место ближайшей к ядру периферии.

В структуре моделей действия, ядро которых содержит субъект и объект, выделяется еще один принципиально важный компонент – это направление приложения силы. Как отмечалось выше, источником силы является субъект, но вектор приложения этой силы может быть разным, принимая одно из двух возможных значений: либо от субъекта к объекту, либо в обратном направлении. В первом случае модель имеет «центробежный» характер, во втором – «центростремительный». Однако и в том, и в другом случае фактор направления обеспечивает взаимодействие, системность ядерных компонентов ментальной модели действия. Вследствие этого, будучи непосредственно связанным с ядром, но не входя в состав ядерных компонентов, фактор направления приложения силы занимает в структуре ментальной репрезентации действия такое же положение, какое занимает в ней фактор времени – положение периферии, непосредственно примыкающей к ее ядру.

В определенношейся таким образом структуре ментальных моделей действия выделяются две разновидности компонентов. Компоненты первого рода – это постоянные, не изменяющие своих параметров характеристики, их структурные константы. К числу таких компонентов относятся субъект и объект (если последний присутствует), сюда же должен быть отнесен фактор силы. Компоненты второго рода – «переменные» структурные величины – характеристики, изменяющие своё значение в системе парных оппозиций. Это, в частности, время – или краткое (импульсное), или длящееся, и направление приложения силы – от субъекта к объекту или от объекта к субъекту.

Все возможные сочетания «констант» и «переменных» образуют четыре основные структурные композиции, которые вместе с процессом (частными качественными признаками действия) и являют собой модели конкретных действий, воплощающиеся в соответствующих смыслах и, следовательно, в лексических значениях. Эти композиции могут формулироваться следующим образом: а) протяжённое во времени

приложение силы от ее субъекта к объекту: *гнести – нагнетать – пригнетать – жать – давить – тягощать* – идея давления; б) кратковременное, импульсное приложение силы от ее субъекта к объекту (идея толчка, удара) – *бить – ударять – колотить* [63, 338]; в) протяжённое во времени приложение силы от объекта к субъекту (идея тяготения): *драть – сдирать – отдирать*; г) кратковременное приложение силы от объекта по направлению к ее субъекту (идея рывка): *дёргать, рвать* [62, с. 60]..

Представленная картина даёт основание говорить о существовании двух уровней, на которых разворачиваются ментальные репрезентации данных процессов. На глубинном уровне все они сводятся к единой модели, структурно определяемой следующим образом: ядерное инвариантное основание «субъект – объект – сила» и общая периферийная область направления приложения силы – время ее приложения. По существу, это структура ментальной модели деятельностного акта вообще и является основой собственных характеристик всякого конкретного действия.

На поверхностном, приближенном к языку уровне мысли об ударе, рывке, тяготении существуют уже в рамках двух не исключających друг друга моделей. Каждая из них имеет собственный формообразующий фактор (либо направление приложения силы, либо длительность ее приложения) и определяется парой вариантов. В первом случае эта модель представляет собой структурный комплекс «субъект – объект – сила – время воздействия», который реализуется в двух направлениях: «центробежный» вариант этой реализации – глубинное комплексное представление об ударе-давлении, а «центростремительный» вариант – глубинное комплексное представление о рывке-тяготении. Во втором случае такую модель представляет структурный комплекс «субъект – объект – сила – вектор силы», разворачивающийся во времени Ее «импульсный вариант» [20, с.13] – глубинное комплексное представление о давлении-тяготении.

В современной теории когнитивной грамматики активно используется понятие «фрейма» для описания типовых структур языка, к которым, безусловно, относится глагол и его формы [12; 16; 49].

Фрейм можно описать как типовую структуру, предназначенную для упорядочения, организации некоторых данных, некоторой информации. Как отмечает М. Минский, отправным моментом для данной теории служит тот факт, что человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую фреймом, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов. Фрейм является «структурой данных для представления стереотипной ситуации» [цит. по 60, с.87]. Понятие фрейма призвано прежде всего эксплицировать познавательные процессы как таковые, потому что человеку вообще свойственно организовывать и хранить информацию в терминах фреймов. Язык – один из важнейших способов организации информации (вероятно, самый важный), поэтому есть все основания предполагать, что языковая система также во многом представляет собой именно систему фреймов.

Фреймы выступают как сети отношений. Они различаются по узлам-терминалам, соединяемым определёнными отношениями, и по типу самих отношений. По-видимому, различие в типе фрейма как раз и соответствует самостоятельности компонентов и субкомпонентов в системе языка.

Упоминание ещё двух моментов является существенным, чтобы продемонстрировать уместность и целесообразность использования теории фреймов для описания системы формообразования русского глагола. Как отмечает Г.Г. Гиздатов, центральным моментом является использование одних и тех же терминалов различными фреймами, что позволяет координировать информацию, собираемую из разных источников [31, с.124]. Под терминалами имеются в виду узлы в сетях отношений, которые и представляют собой фрейм.

В составе фрейма терминал обычно не выступает жёстко определённым, чаще всего фиксирован его тип с некоторой точки зрения, а также представлен типичный пример объекта, который может отвечать терминалу в составе данного фрейма. Можно предположить, что фрейм, выступая структурой данных, прообразом некоторого концептуального представления об окружающей действительности, в частности действия, служит отправной точкой для языковой категоризации реалий объективной действительности.

Почти всякая система, в том числе и языковая, иерархична. Это означает, что работа одной подсистемы зависит от функционирования другой. С одной стороны, существующие представления о языке, некоторые факты речевой деятельности свидетельствуют как будто бы в пользу именно такой картины [2; 21; 35; 66]. Традиционные уровни языка и речевой деятельности выступают как иерархически соотносящиеся этапы переработки сообщения, работающие строго последовательно. Применительно к речепроизводству это соотношение подсистем по типу строгой упорядоченности кажется особенно очевидным: семантика обуславливает синтаксис, синтаксис – морфологию и т.д. Все этапы-уровни, отражающие работу определённых подсистем, зависят друг от друга как члены иерархизированной последовательности. Каждая из подсистем сообщается не более чем с двумя другими.

С другой стороны, факты речевой деятельности, равно как и некоторые характеристики языковой системы, заставляют усомниться в реальности столь строгой и однозначной картины. Уже функционирование таких грамматических категорий, как время или наклонение, показывает наличие в речевой деятельности «дальних связей» между подсистемами языка. Время и коммуникативная установка, отражаемая наклонением, несомненные компоненты семантической записи высказывания. Иначе говоря, эти категории принадлежат уровню поверхностной семантики. Формально они реализуются в словоформах, выбор которых происходит не на уровне

глубинного синтаксиса, непосредственно подчинённого семантическому уровню, а на уровне «глубинной морфологии» [40, с. 148]. Иначе говоря, уровень семантики управляет уровнем морфологии «через голову» синтаксического уровня. Такого рода фактов можно обнаружить достаточно много, например переносное употребление временных форм глагола (в частности форм настоящего в значении прошедшего): *Особенно шумно было в базарные дни, когда приезжали окрестные мужики. Тихо было в пятницу вечером и в субботу. На столе белоснежная скатерть, тускло мерцают свечи, пахнет фаршированной рыбой и свежей халой, дедушка, широкоплечий, красивый, расхаживает по комнате и бормочет вечернюю молитву* (А. Рыбаков «Тяжёлый песок»); *Как теперь вижу перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы* (Л. Толстой «Детство. Отрочество. Юность»).

Одной из самых актуальных проблем современной лингвистики, психолингвистики, теории речевой деятельности является вопрос о взаимодействии мыслительных (когнитивных) и речевых (лингвистических) факторов в процессах порождения коммуникативных единиц. Сложность исследования данной проблемы объясняется прежде всего невозможностью прямого наблюдения данных процессов. Только анализ речевых результатов (текстов и их фрагментов) позволяет высказать предположение относительно «механизмов» процесса вербализации. При этом необходимо учитывать тот факт, что объектом анализа большинства исследований остаются лексемы нормативного характера. В обозначенном аспекте анализ «аномальных» с точки зрения формообразования, глагольных лексем, а также элементов глагольных парадигм, может служить тем фоном, на котором более четко проявляются закономерности нормативного словоупотребления, механизмы соединения мысли и слова, которые, как правило, трудно эксплицировать из-за привычности и автоматизма их использования.

Обратимся к анализу конкретных морфологических парадигм с целью выявления основных когнитивных факторов, связанных с языковой категоризацией, влияющих на выбор формы глагола вообще. Для данного анализа нами была выбрана схема, предложенная Н.Н. Кравченко [42; 43]. Анализ значений морфологических форм проводится на основе принципов когнитивной грамматики с использованием соответствующего концептуального аппарата. В рамках данного направления значение слова и его формальные модификации рассматриваются с точки зрения механизмов перехода от реальной ситуации к высказыванию о ней. Этот переход можно представить следующим образом. Пусть нам в физическом мире дана некоторая ситуация, представлено некоторое действие. В соответствии с визуальными характеристиками этого действия, а также нашими коммуникационными интересами мы выбираем параметры таких процессов, как схематизация пространства, распределение внимания, степень детализации и строим концептуальное представление этого действия (его событийную рамку – фрейм). Затем начинается процесс категоризации – говорящий подбирает конкретный языковой материал для перевода концептуального представления в высказывание. Приведём несколько примеров, показывающих, какие именно факторы, связанные с когнитивной категоризацией, влияют на выбор той или иной грамматической формы, в томи числе и на ее отсутствие.

1) Видовая форма: лексема *грозит* *Ему и больно и смешно, а мать грозит ему в окно* (А. Пушкин «Евгений Онегин»). Словоформа *грозит* – это лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация, а значением – соответствующая лексическая единица: *грозить* – «предупредить с угрозой о чем-нибудь» [17, с.198]. В соответствии с положением в пространстве и когнитивными координатами процесса («он – здесь – сейчас») для данной лексической категории выбираются параметры процесса, связанного со значением глагола *грозить* – это схематизация пространства (определение субъекта действия – *мать*, и

объекта действия – *ему*); распределение внимания – «сейчас»; степень детализации – «*и больно и смешно*», «*мать грозит в окно*». В соответствии с этими параметрами формируется так называемая, «событийная рамка процесса» [62, с. 105], прототипическая категория, концепт данного действия, который условно можно определить как «угроза», «предупреждение». Позиция субъекта действия определяет рамку наблюдателя, согласно которой в процессе языковой категоризации выбирается форма, наиболее полно отвечающая коммуникативному интересу говорящего – это форма несовершенного вида, соответствующая упомянутым выше когнитивным координатам «он – здесь – сейчас».

Вымолвить – это лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация, а значением – соответствующая лексическая единица: *вымолвить* – «сказать, произнести» [17, с. 215], например *От удивления и неожиданности я не могла вымолвить ни слова* (Ирина Архипова. Музыка жизни) В соответствии с положением в пространстве и когнитивными координатами процесса («кто-то – здесь – нулевая координата») для данной категории выбираются параметры процесса, связанного со значением данного глагола. Это схематизация пространства (определение субъекта действия – я, и объекта действия – отсутствует); распределение внимания – «от удивления и неожиданности»; степень детализации – отсутствует. В соответствии с этими параметрами формируется «событийная рамка процесса», прототипическая категория, которую условно можно определить как «молчание». Позиция субъекта действия определяет рамку наблюдателя, согласно которой в процессе языковой категоризации выбирается форма, наиболее полно отвечающая коммуникативному интересу говорящего – это форма несовершенного вида, соответствующая упомянутым выше когнитивным координатам. Поскольку координаты процесса являются неполными, то форма противоположного вида у данного глагола отсутствует.

2) Видо-временная форма: *Я отворил дверь и отступил в изумлении* (И. Тургенев «Отцы и дети»). Словоформа *отступил* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация, а значение соответствует одному из лексико-семантических вариантов семантики глагола *отступить* – «шагнув, отойти, отодвинуться назад» [17, с. 424]. Когнитивные координаты данного процесса, обозначаемые как «я – здесь – тогда» определяют параметры действия: схематизация пространства – *здесь*, субъект действия – *я*, объект действия – *помещение, комната* в направлении которого совершается действие, распределение внимания – *тогда*, детализация процесса – *отступил в изумлении*. Параметры процесса и его когнитивные координаты формируют концептуальную репрезентацию данного действия, прототипическую категорию, которую условно можно определить как «отход, отступление». Позиция субъекта определяет событийную рамку процесса, которая в соответствии с когнитивным концептом в языке категоризируется в грамматической форме совершенного вида прошедшего времени, указывающей на отнесенность действия к факту прошлого.

3) Личная форма: *Невидимо высоко звенит жаворонок, и все цвета, звуки, росю просачиваются в грудь, вызывая покойную радость, будя желание скорее встать, что-то делать и жить в дружбе со всем живым вокруг* (В. Каверин «Страсть»). Словоформа *просачиваются* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия (*просачиваться*), а значением соответствующая дефиниция – «постепенно проникнуть сквозь что-нибудь» [17, с.471], в данном контексте выступающая в переносном метафорическом значении. Параметры данного процесса можно определить следующим образом: схематизация пространства – *вокруг*, субъекты действия (в данном случае их несколько) – *цветы, звуки*, объект действия – «душевное, эмоциональное состояние наблюдателя, описывающего свои впечатления от происходящего вокруг, степень детализации – *все цвета и звуки*. Определённые параметры процесса задают

его когнитивные координаты, которые условно можно определить как «они – вокруг – сейчас». Концептуальную репрезентацию данного действия можно представить как «постепенное проникновение сквозь сердце». Позиция субъектов действия определяет событийную рамку процесса, позицию наблюдателя, находящегося как бы в центре описываемого события. В процессе языковой категоризации когнитивный концепт в соответствии с когнитивными координатами действия выступает в форме настоящего времени (наблюдатель в центре), третьего лица множественного числа (несколько субъектов действия).

Затечь – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия (*затекать*), а значением соответствующая дефиниция – «*О текущем: попасть, влиться куда-нибудь* Вода затекла в щели. 2. *Распухнуть, как бы налившись чем-нибудь* Глаз затёк. 3. *О частях тела: онеметь. Ноги затекли.* || *несовершенный вид затекать (-аю, -аешь, 1 и 2 л. не употр.), -ает»* [17, с.371]. Например: «Короб» – *полиэтиленовый лист с поднятыми краями (иначе в палатку может затечь вода) необходим: ставить палатку зачастую приходится ставить в такое, для чего и слова-то приличного не подберёшь* (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак). Параметры данного процесса можно определить следующим образом: схематизация пространства – *вокруг*, субъект действия – *вода*, объект действия – «короб – полиэтиленовый пакет», Определённые параметры процесса задают его когнитивные координаты, которые условно можно определить как «она – вокруг – нулевая координата». Прототипическую категорию данного действия можно представить как «процесс течения». Позиция субъекта действия определяет событийную рамку процесса, позицию наблюдателя, находящегося в стороне от описываемого события. Неполные координаты предполагают отсутствие форм первого и второго лица.

4) Модальная форма: *Мой конь и доньне носил бы меня* (А. Пушкин «Песнь о вещем Олеге»). Словоформа *носил бы* – лексема, областью

определения выступает концептуальная репрезентация процесса *носить*, а значением – «*мчать, увлекать за собой*» [66, т. 1, с.398]. Параметры процесса: схематизация пространства – субъект действия – *я*, объект действия – *животное (конь)*, распределение внимания – оттенок желательности описываемого действия, степень детализации – «*доныне (сейчас)*». Когнитивные координаты действия: *я – здесь (бы) – сейчас*. Прототипическую категорию данного процесса условно можно определить как «увлечение за собой». Позиция субъекта действия, который находится как бы вне процесса, оттенок желательности и фрейм «увлечения за собой» в процессе языковой категоризации определяют выбор формы сослагательного наклонения.

5) Залоговая форма: *Коттедж Ивана Степановича строился невиданными темпами* (Р. Арсеньев «Постулаты совести»). Словоформа *строиться* – это лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *строить*, а значением – соответствующая дефиниция – «*создавать какое-нибудь сооружение*» [66, т.2. , с.288]. Параметры процесса: а) схематизация пространства – объект действия – «*небольшой жилой благоустроенный дом в пригороде*», субъект действия – чётко не определён (из контекста можно предположить, что это некая группа рабочих, строящих коттедж); б) распределение внимания – указание на пассивность действия, отсутствие чётко выраженного субъекта действия; в) степень детализации – «*строился невиданными темпами*». Когнитивные координаты процесса – «он – там – тогда». Позиция субъекта действия чётко не определена, субъект (или субъекты) действия находятся как бы вне событийной рамки действия. Прототипическую категорию данного процесса условно можно представить как «возведение жилого сооружения». Когнитивный концепт действия, его координаты и событийная рамка определяют категоризацию в форме страдательного залога.

б) Атрибутивная форма (причастие): Между заброшенной избушкой и этим домом стоит могучая берёза, великолепно украшающая усадьбу

(В. Солоухин «Деревенские пейзажи»). Словоформа *украшающая* – это функция, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *украшать*, а значением – соответствующая лексическая единица – «*придать кому-чему-н., красивый вид, сделать наряднее*» [17, с. 737]. Параметры процесса – а) схематизация пространства: субъект действия – *берёза*, объект действия – *усадыба*; б) распределение внимания – указание в контексте на признак действия в определённом пространстве (*которая украшает*); в) степень детализации – «*великолепно украшающая*», «*стоит между избышкой и домом*». Таким образом, когнитивные координаты процесса можно определить как «она – здесь – сейчас». Прототипическую категорию данного процесса, выступающую концептуальным представлением действия условно можно определить как «украшение чего-нибудь». Событийная рамка процесса, зависящая от позиции субъекта по отношению к действию, указание на признаковый характер действия определяют выбор в данном контексте глагола в форме действительного причастия несовершенного вида настоящего времени.

7) Атрибутивная форма (деепричастие): *Журча еще бежит на мельницу ручей... Но пруд уже застыл* (А. Пушкин «Весеннее утро»). Словоформа *журча* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *журчать*, а значением соответствующая лексическая единица – «*течением производить лёгкий монотонный булькающий шум*» [17, с.244]. Параметры процесса – а) схематизация пространства: субъект действия – *ручей*, объект действия – *мельница*; б) распределение внимания – указание в контексте на признаковый характер действия в пространстве – (*бежит каким образом?*); в) степень детализации – *еще бежит на мельницу*. Когнитивные координаты данного действия можно определить как «он – здесь – сейчас». Концепт данного процесса условно можно представить как «монотонный плеск». Прототипическая категория, когнитивные координаты действия,

событийная рамка процесса предопределяют категоризацию глагола в форме деепричастия.

3.2. Факторы флективной недостаточности, связанные с процессами речепорождения

Рассмотрение морфологической парадигматики русского глагола через призму когнитивных характеристик позволяет констатировать новый поворот данной отрасли языкознания в сторону функционализма, который ориентирует грамматику на соотношение с синтагматической деятельностью (речью).

Для того, чтобы представить полный цикл процесса порождения парадигмы глагола и перечислить все его стадии, а следовательно, предложить видение когнитивных факторов интерпретации глагольных парадигм, необходимо охарактеризовать более подробно те звенья в структуре описываемого процесса, которые являются для него обязательными. Подобная характеристика позволит не только уточнить сущность речепорождения, но и наметить некоторые новые аспекты в рассмотрении морфологической парадигматики русского глагола.

Основополагающим для понимания всей структуры речепорождения является тезис, выдвинутый Л.С. Выготским, о том, что общее движение этого процесса происходит в направлении от «мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, а затем в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [27, с. 42].

В отличие от речепорождения, порождение номинативной единицы и заполнение ею своего места в системе языка имеет ряд отличительных черт. Во-первых, разграничиваются процессы порождения номинативной единицы в языке, выбора ее из готовых языковых знаков в тексте / дискурсе, вторичное означивание и первичное создание наименования в речевом акте.

В последнем случае механизм создания языковой единицы детерминирован коммуникативно-прагматическими, текстовыми факторами, а в остальном он сходен с первичным процессом именованя. Во-вторых, порождение речи есть движение от мотива, интенции говорящего к интерпретанте собеседника, от иллокутивной силы к перлокутивному эффекту. Порождение речи тем самым учитывает «знания принципов речевого общения и иллокутивных сил отдельных речевых актов, знания различных типов текстов и условий их употребления и т. п.» [65, с.132].

Процесс порождения номинативной единицы, как и речи, характеризуется наличием уровней, циклов, этапов и кодовых переходов.

В морфологии в рамках когнитивного подхода также существует словопроизводственная модель перехода от мысли к слову. И.С. Горощев выделяет шесть компонентов такой модели: 1) подготовку идеального содержания; 2) выбор мотивировки (мотивировка признаком и мотивировка всем содержанием); 3) выбор производящего (слова, первосигнальных признаков, звукопредставлений); 4) выбор способа словообразования, регламентируемый понятиями о способах словопроизводства; 5) построение звуковой оболочки из подосновы (основы производящего слова), звуковой стороны образуемого слова и словообразовательных единиц; 6) сцепление идеального и материального при завершении словопроизводства [цит. по: 62, с.92].

Учитывая изложенное, можно вычленить такие этапы процесса порождения морфологической парадигмы глагола: 1) апперцепция (психонетический уровень); 2) интериоризация (когнитивный уровень); 3) внутреннее программирование (превербальный уровень); 4) селекция (номинативно-вербальный уровень); 5) парадигмизация и синтагмизация (системно-функциональный уровень) [62, с.83]. Остановимся на каждом из них более подробно, рассмотрев процесс порождения формальных модификаций глагольной лексемы на конкретных примерах.

Этап апперцепции именованья включает в себя такие уровни: во-первых, мотив – появление неясного желания, связанного с последующим формированием установки, во-вторых, сенсорно-моторное восприятие на основе выделения объекта из ряда других, в-третьих, создание индивидуального чувственного образа (гештальта), в-четвертых, установка, и, наконец, формирование представления об объекте. Называя компоненты апперцепции уровнями, мы исходим из «принципа одновременного действия всех компонентов в реальном процессе порождения, принципа сопряженности уровней, когда звено одного уровня является компонентом другого» [62, с. 43-44].

Интерииоризация как второй этап порождения номинативной единицы на первом уровне образования понятия проявляет вариативные возможности мышления: представление о еще непознанном объекте или действии либо встраивается в определённую схему (родовое понятие) на основе некоторого сходства свойств, функций, признаков, либо сравнивается с неким прототипическим наглядно-чувственным объектом. Первый вариант формирования понятия предполагает сканирование некоторой сферы схем и выбор наиболее приемлемой (действие подводится под категорию общего); второй вариант – это соположение представления с уже имеющимся прототипом (действие похоже на другое, хорошо известное).

Интерииоризация понятия продуцирует второй уровень, слитный с первым – уровень формирования концепта в долговременной памяти. Как единица познания мира концепт может иметь различную степень информативной насыщенности, оставаясь при этом целостным образованием, способным пополняться, изменяться и отражать человеческий опыт [15, с. 77]. В современной науке концепт и понятие – сущности разного порядка: понимание концепта исходит из включенности в него представлений, образов, в том числе и понятий; понятие же является «синтезом логических, гносеологических и когнитивных аспектов» [70, с.8].

Внутреннее программирование является переходным звеном между интериоризацией и собственно ономасиологической структурой наименования. Его конечная цель состоит в формировании внутренней формы, или мотивирующей базы, как «инструмента переложения мысли на другой язык» [24, с.45]. В концепциях порождения речи этот этап формулируется так: «Формирующаяся мысль разбивается на отдельные составляющие, препарируется соответственно структуре будущего высказывания. Это этап подготовки мысли к объективации, этап начинающейся речемыслительной деятельности, связанный с поиском схемы будущего высказывания и его языкового типа» [24, с.15].

Внутреннее программирование в отличие от внутренней речи представляет собой «упорядоченную иерархию пропозиций, лежащих в его основе» [62, с.43-44]. Внутреннее программирование высвечивает звенья когнитивной модели, имеющей фреймовую структуру. Этап внутреннего программирования осуществляется на базе ментально-психонетического комплекса с фокусировкой на когнитивной модели фрейма.

На этапе селекции происходит создание ономасиологической структуры наименования. Селекция также интенционально обусловлена и включает несколько уровней: во-первых, выбор ономасиологического признака – эксплицитного мотиватора из мотивирующей базы, во-вторых, одновременную импликацию других компонентов базы, в-третьих, выбор ономасиологической категории и грамматикализацию, в-четвертых, формальную операцию соединения базиса и признака, которая может сопровождаться чередованием на морфемном шве, сокращением, и т. п., наконец, в-пятых, семантизацию.

Этап селекции в терминах теории порождения речи является переходным от внутренней речи к внешней. На данном этапе все языковые уровни объединяют и координируют свои усилия. Результатом этого этапа становится «уровень контроля» [62, с.79], или «выхода» [62, с. 80],

реализации, формирования наименования, грамматической формы, обладающей всем спектром уровнево-категориальных признаков.

Одновременно с «выходом» наименования осуществляется его синтагмизация и парадигмизация, ибо «знак отливается в свою чеканную форму, становится знаком, только выйдя из промежуточного языка во внешнюю речь» [49, с. 208]. Синтагмизация предполагает включенность единиц в речевой поток, текст, дискурс. Парадигмизация начинается с грамматико-семантической реализации наименования: номинативная единица приобретает свойства словоизменения и формообразования, место в словообразовательной парадигме, словообразовательный потенциал, лексические связи. Контролирующий механизм языка ставит номинативную единицу в определенную часть лексикона: пассивный, активный запас, узус, норму.

В данном исследовании селекция и последующие за ней этапы речепорождения являются ключевыми для рассмотрения формообразовательной специфики глагольного слова. Исходя из этого, исследование морфологических парадигм русского глагола должно осуществляться на когнитивной основе, с учётом причин и регулярных возможностей передвижения знака с одного участка когнитивной модели на другой.

Обратимся к характеристике морфологических парадигм русского глагола с точки зрения когнитивных процессов речепорождения для выявления факторов, обуславливающих выбор морфологической формы в парадигматическом ряду глагольного слова вообще.

1. Видовая парадигма: *И он подумал, что питье кофе – не такое уж замечательное событие, чтобы из-за него стоило делать озабоченное лицо, и что напрасно она потратила время на модную прическу, так как нравиться тут некому.* (А. Чехов «Ионыч»). Словоформа *подумал* (сов. к *думать*) – лексема, областью определения которой является процесс мышления (*думать* – «направлять мысли на кого-что-н., размышлять») [17,

с. 162]). Процесс речевого порождения данной словоформы можно описать следующим образом: на психонетическом уровне (этапе апперцепции) происходит установка (мотив) на формирование представления о данном процессе; затем, на когнитивном уровне (этапе интериоризации) формируется понятие (концепт данного действия, условно определяемый как «процесс размышления»); на уровне внутреннего программирования формируется пропозиция (предикативная характеристика действия) с учетом коммуникативной направленности действия; на номинативно-вербальном уровне (этапе селекции) происходит выбор способа номинации данного действия с учетом, с одной стороны, знаний говорящего, а с другой – ономасиологического признака данного действия (какой языковой компонент соотносится с концептом данного процесса?); наконец, на системно-функциональном уровне (этапе парадигмизации) происходит грамматико-семантическая реализация данного действия с учетом фокусировки, включенности данного процесса в синтагматические отношения с другими процессами, актантами или детерминантами данного процесса, которые в свою очередь предопределяют выбор формы совершенного вида (в контексте ими выступает предикативная часть с центром, выраженным глаголом-связкой в форме прошедшего времени и инфинитива – *стоило делать*. Необходимо отметить, что на этапах апперцепции и селекции представление о процессе и выбор способа словообразования соответственно, происходят с учётом знаний говорящего как врождённых (генетических), так и приобретённых в процессе социализации.

Словоформа *нравиться* (несов. к *понравиться*) – лексема, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация действия *нравиться* – «*быть по вкусу, располагать к себе*» [66, 3, с. 370]. На этапе апперцепции происходит формирование установки, создание индивидуального чувственного образа данного процесса и, как результат, – формирование представления об объекте. На когнитивном уровне происходит формирование концептуального представления о действии –

«процесс расположения к себе», предполагающий наличие объекта действия, на который оно направлено. На этапе внутреннего программирования формируется пропозиция данного процесса. На этапе селекции с учётом ономаσιологических признаков данного действия происходит выбор способа словопроизводства. Этап парадигмизации предполагает грамматико-семантическую реализацию концептуального представления данного действия с учетом формообразовательного потенциала, полученного на предшествующих уровнях речепорождения. Событийная рамка процесса, его референция к наблюдаемому событию обуславливают грамматическую реализацию когнитивного концепта данного действия в форме несовершенного вида.

2. Временная парадигма: а) *Когда вошедший опустил поднятый воротник штатского пальто и снял фуражку, какую носили мелкие служащие, я обомлел.* (О. Форш «Эхо войны»). Словоформа *опустил* – категория, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *опустить* – «откинуть, придав лежащее положение» [66, 3, с. 158]. На психонетическом уровне порождения, с учетом имеющихся знаний, формируется представление о процессе. На когнитивном уровне (этапе интериоризации) формируется понятие, когнитивный концепт данного действия, который условно можно определить как «перемещение в более низкое положение». На уровне внутреннего программирования, также с учетом знаний говорящего, формируется пропозиция – действие приобретает предикативные характеристики. На номинативно-вербальном уровне (этапе селекции) происходит сцепление идеального содержания когнитивного концепта и его материального воплощения. На системно-функциональном этапе, с учетом формообразовательного потенциала предиката, его концептуальной репрезентации, событийной рамки, указывающей на процесс, свершившийся в определенный промежуток времени, грамматико-семантическая реализация когнитивного концепта

данного действия получает свое формальное выражение в форме прошедшего времени.

Рассмотрим особенности концептуализации формы настоящего времени: *Облокотясь, Татьяна пишет, и все Евгений на уме...* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»). Словоформа *пишет* – лексема, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация действия *писать* – «составлять какой-нибудь текст, сочинять, создавать словесное произведение» [17, с. 458]. Этап апперцепции: создание индивидуального чувственного образа → формирование представления о процессе. Этап интериоризации (когнитивный уровень): формирование концепта процесса, условно определяемый как «создание словесного произведения». Этап внутреннего программирования: формирование пропозиции – предикатной рамки описываемого действия. Номинативно-вербальный уровень: грамматикализация концептуального представления действия, совершаемая с учетом приобретенных знаний коммуниканта. Системно-функциональный уровень: событийная рамка непосредственно наблюдаемого процесса, установка на действие, совершаемое «здесь и сейчас», формообразовательный потенциал когнитивного содержания данного процесса определяют выбор формы настоящего времени.

3. Парадигма личных форм: *Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону* (И.С. Тургенев «Записки охотника»). Словоформа *отыскал* – функция, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация действия *отыскать* – «найти, обнаружить после поисков» [66, 2, с. 128]. Этап апперцепции: сенсорно-моторное восприятие процесса на основе выделения объекта из ряда других, создание индивидуального чувственного образа (гештальтирование), формирование представления о процессе. Этап интериоризации: формирование понятия и концепта данного действия: «поиск чего-нибудь». На этапе внутреннего программирования концептуальная репрезентация получает предикативные характеристики (формируется пропозиция). На этапе селекции (вербально-номинативном

уровне) предикативные характеристики приобретают словообразовательный и формообразовательный потенциал, когнитивный концепт формальной модификации. Системно-функциональный уровень (парадигмизация): с учетом особенностей концептуализации, действие, включенное в высказывание, получает грамматико-семантическую реализацию в форме мужского рода первого лица единственного числа. б) *Я видел небо... Ты не увидишь его так близко* (М. Горький «Дело Артамоновых»). Словоформа *увидишь* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *видеть* – «воспринимать зрением» [17, с.574]. Схему порождения данной формальной модификации глагольной лексемы можно представить следующим образом. Психонетический уровень: формирование представления о процессе на основе сенсорно-моторного восприятия и создания индивидуального чувственного образа (гештальта) с учетом имеющихся врожденных знаний. Когнитивный уровень: формирование прототипической структуры действия и его концептуальной репрезентации, которую условно можно определить как «зрительное восприятие». Этап внутреннего программирования: на базе ментально-психонетического комплекса происходит поиск схемы будущего высказывания и его языкового типа. На данном этапе «*процесс зрительного восприятия*» приобретает характеристики предикативной лексемы с учетом будущей модели пропозиции. Этап селекции: на этом этапе происходит создание ономазиологической структуры будущей словоформы. Можно предположить, что на этом уровне формируется концептуальная репрезентация формальной модификации наименования, которая получает свое выражение, реализацию на системно-функциональном уровне. Этап синтагмизации и парадигмизации: грамматико-семантическая реализация «*процесса зрительного восприятия*» с учетом синтагматической включенности в текст, обуславливает выбор формы второго лица единственного числа.

Выше был рассмотрен процесс речепорождения личных форм глагола в единственном числе. Рассмотрим особенности концептуализации формы множественного числа: *Добрые и глубокие чувства меньше всего нуждаются в яркой расцветке* (А. Данилова «Чёрная метка»). Словоформа *нуждаются* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *нуждаться* – «испытывать потребность» (ЛСВ) [66, 2, с.70]. Ментально-психонетический комплекс речепорождения данной словоформы можно представить следующим образом: апперцепция – сенсорно-моторное восприятие действия, создание индивидуального чувственного образа, формирование представления о действии; интериоризация – полученное представление о действии встраивается в определенную схему (родовое понятие) на основе сходства свойств, функций и признаков, и как следствие – происходит формирование концепта данного действия, условно определяемого нами как «процесс испытывания потребности в чем-либо»; внутреннее программирование – на данном уровне происходит формирование внутренней формы, мотивирующей базы будущей формальной модификации процесса, его когнитивной модели. Селекция: данный уровень предполагает соединение внутренней формы слова с ономаσιологическим признаком действия, формирование концептуальной репрезентации формы слова. Парадигмизация: включенность слова в высказывание и дискурсивные характеристики действия предполагают выбор формы третьего лица множественного числа.

4. Модальная парадигма: а) *Я крикнул солнцу: «Дармоед! Занежен в облака ты, а тут – не знай ни зим, ни лет, Сиди, **рисуй** плакаты»* (В. Маяковский «Облако в штанах»). Словоформа *рисуй* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *рисовать* – *изображать предметы на плоскости карандашом, пером и др.* [17, с.605]. Процесс порождения данной словоформы в речи можно представить следующим образом. Психонетический уровень: подготовка

идеального содержания, появление неясного желания, связанного с последующим формированием установки → формирование представления о процессе → создание индивидуального чувственного образа → формирование представления о процессе. Когнитивный уровень: представление о протекающем действии встраивается в определённую схему на основе сходства функций, признаков данного действия → на основе полученной схемы происходит объединение признаков в определённый набор, содержащийся в памяти, формируется структура понятия → на основе сформированного понятия определяется концепт данного действия, условно определяемый нами как «изображение чего-либо при помощи орудий действия». Превербальный уровень: формирование внутренней формы, действие приобретает предикативные характеристики согласно структуре будущего высказывания → формирование фреймовой модели формальной модификации данного действия (модальная рамка процесса акцентирует внимание говорящего на побуждении к действию). Вербально-номинативный уровень: создание ономаσιологической структуры действия (выбор ономаσιологического признака + формальная операция соединения признака и базиса, который является основой для наименования действия). Системно-функциональный уровень: дискурсивные характеристики действия, его включенность в речевой поток, модальная рамка высказывания определяют грамматико-семантическую реализацию действия в форме повелительного наклонения. б) *Он бы тотчас ушёл, если б не Лиза!* (И. Тургенев «Отцы и дети»). Словоформа *ушёл бы* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *уходить* – «идя, удалиться, покинув какое-нибудь место; отправиться куда-нибудь» [17, с.736]. Процесс речепорождения данной словоформы можно представить следующим образом. Этап апперцепции: подготовка идеального содержания, появление неясного желания, связанного с последующим формированием установки → формирование представления о процессе → создание индивидуального чувственного образа →

формирование представления о процессе. Этап интериоризации: представление о протекающем действии встраивается в определённую схему на основе сходства функций, признаков данного действия → на основе полученной схемы происходит объединение признаков в определённый набор, содержащийся в памяти, формируется структура понятия → на основе сформированного понятия определяется концепт данного действия, условно определяемый нами как «процесс удаления (перемещения) от определённой точки в пространстве». Этап внутреннего программирования: формирование внутренней формы, действие приобретает предикативные характеристики согласно структуре будущего высказывания → формирование фреймовой модели формальной модификации данного действия (модальная рамка процесса акцентирует внимание говорящего на условности совершаемого действия). Этап селекции: создание ономаσιологической структуры действия (выбор ономаσιологического признака + формальная операция соединения признака и базиса, который является основой для наименования действия). Этап парадигмизации и синтагмизации: дискурсивные характеристики действия, модальная рамка высказывания определяют грамматико-семантическую реализацию действия в форме сослагательного наклонения.

5. Залоговая парадигма. Выше были рассмотрены парадигматические реализации разных грамматических значений в форме действительного залога. Рассмотрим особенности концептуализации формы страдательного залога с позиций когнитивных механизмов речепорождения: *Чувствительность есть только там, где с детских лет человек воспитывается добрым словом, не знает дурного слова* (Н. Сухомлинский «Разговор с молодым директором»). Словоформа *воспитывается* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *воспитать* – «привить, внушить что-либо кому-нибудь» [66, 1, с.189]. Психонетический уровень: подготовка идеального содержания, появление мотива, интенции, связанной с последующим формированием установки → создание чувственного индивидуального образа →

формирование представления о процессе. Когнитивный уровень: представление о действии, полученное на этапе апперцепции встраивается в определенную схему → затем происходит объединение признаков в определенный набор, содержащийся в памяти, результатом которого является образование структуры понятия и формирование когнитивного концепта данного действия, который можно определить как «процесс внушения, привития какого-либо качества». Превербальный уровень: на данном этапе происходит формирование внутренней формы, действие приобретает предикативные характеристики → формируется пропозиция и фреймовая модель слова. Номинативно-вербальный уровень: на данном этапе происходит создание ономаσιологической структуры действия, которое осуществляется с учётом «пассивных характеристик» действия, на что указывают его дискурсивные характеристики, в частности позиция наблюдателя, указывающая на пассивность субъекта осуществляемого действия. Системно-функциональный уровень (этап парадигмизации): включенность действия в высказывание, его когнитивные характеристики определяют грамматико-семантическую реализацию данного процесса именно в форме страдательного залога.

6. Парадигма атрибутивных форм глагола: а) причастная форма: *Он вдруг вспомнил весь ужас, испытанный им самим тогда в лесу, когда он очнулся один, раненый, и пополз* (К. Симонов «Сорок первый»). Словоформа *испытанный* – формальная модификация лексемы *испытывать*, областью определения которой является концептуальная репрезентация действия *испытать* – «изведать на опыте, пережить» [17, с.228]. Процесс порождения данной словоформы в речи можно представить в виде следующей схемы. Психонетический уровень: подготовка идеального содержания, связанная с последующим формированием установки, → создание индивидуального чувственного образа → формирование представления о процессе. Когнитивный уровень: представление о действии встраивается в определённую схему (родовое понятие) на основе сходства

функций и признаков данного действия. Превербальный уровень: формирование внутренней формы слова происходит с учётом мотивировки действия признаковым характером описываемого события, в соответствии с этими характеристиками формируется пропозиция будущего высказывания → формирование фреймовой модели описываемого события. Вербально-номинативный уровень: на данном этапе происходит создание ономазиологической структуры действия с учётом его признакового характера, что в свою очередь предопределяет несколько иной, в отличие от рассмотренных выше словоформ, характер процесса соединения ономазиологического признака и ономазиологического базиса словоформы *испытанный*. Системно-функциональный уровень: дискурсивные характеристики действия, его признаковый характер предопределяют грамматико-семантическую реализацию действия в форме страдательного причастия прошедшего времени; б) деепричастная форма: *Заглянув в дверь, Ростов увидел, что больные и раненые лежали на полу, на соломе и шинелях* (Л. Толстой «Война и мир»). Словоформа *заглянув* является формальной модификацией глагола *заглянуть*, областью определения которого является концептуальная репрезентация действия *заглядывать* – «быстро или украдкой посмотреть куда-нибудь, взглянуть с целью узнать, выяснить что-нибудь [17, с. 287]. Процесс речепорождения этой словоформы можно представить следующим образом. Апперцепция: подготовка идеального содержания, связанная с последующим формированием установки → создание индивидуального чувственного образа → формирование представления о процессе. Интериоризация: представление о действии встраивается в определённую схему (родовое понятие) на основе сходства функций и признаков данного действия. Объединение признаков в определённый набор, содержащийся в памяти, образует структуру понятия, которая в свою очередь предопределяет фрейм данного действия, условно определяемый как «процесс быстрого взгляда куда-н.». Внутреннее программирование: формирование внутренней формы

слова происходит с учётом мотивировки действия его второстепенностью, вспомогательностью по отношению к основному действию, описываемому в высказывании. Селекция: на данном этапе происходит создание ономазиологической структуры действия с учётом его «сопутствующего» характера другому действию, что предопределяет на этапе парадигмизации грамматико-семантическую реализацию процесса в форме деепричастия совершенного вида.

Проанализированные лексикографические издания с точки зрения наличия в них парадигматически дефектных и избыточных глаголов позволяют привести следующую статистику: массив недостаточных глаголов составляет около 26 % (примерно 3600) от общего количества проанализированного материала, избыточных – около 12 % от общего количества проанализированных лексем (примерно 1700) (табл. 1).

Таблица 1.

Статистическое соотношение глаголов с полными, дефектными, избыточными парадигмами.

Глагол	количество	процентное соотношение
Лексемы с полными парадигмами	8600	62
Лексемы с недостаточными парадигмами	3600	26

Основными типами грамматической дефектности глаголов являются видовая, временная, залоговая, модальная, а также морфологическая недостаточность в сфере образования парадигмы форм лица и атрибутивных форм. Морфологическая избыточность в основном представлена видовыми, временными, модальными и атрибутивными элементами. Можно

предположить, что последовательный когнитивный анализ данных типов грамматически периферийных элементов глагольной парадигмы позволит выявить основные факторы, обусловившие подобную формообразовательную специфику.

Центральная позиция глагола как предиката в структуре предложения свидетельствует о ядерности его отдельных категориальных значений, которые несут в себе самую необходимую информацию в речевом акте. Такими значениями являются аспектуальные модификации самого действия, поэтому поле аспектуальности выступает ядерным относительно других функционально-семантических значений глагола. Поле аспектуальности чрезвычайно широко по своему объёму и неоднородно по морфологическому выражению и самой семантике. Аспектуальность – «это категория, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» [18, с.9]. В русском языке эта категория охватывает глагольный вид и способы действия, а также неглагольные лексические и синтаксические показатели характера протекания действия (дополнительные, вспомогательные элементы аспектуальности).

Грамматическим (морфологическим) ядром аспектуальности является глагольный вид. Когда характер протекания действия находит выражение в грамматическом противопоставлении, в системе грамматических форм, функционально-семантическая категория оказывается представленной категорией грамматической. Последняя входит в рамки аспектуальности, реализуя свое когнитивное содержание, но вместе с тем противопоставляется всем другим средствам ее выражения, не носящим характера системы грамматических форм.

Другой элемент аспектуальности – способы действия. Они представляют лексическую (отчасти словообразовательную, отчасти лексико-семантическую) аспектуальность. Вместе с «низшими способами

действия» [18, с.50] сюда относится и категория предельности / неопредельности, поскольку она не выражается непосредственно системой грамматических форм. Эта категория образует как бы «лексико-грамматическую зону», непосредственно примыкающую к грамматическому ядру аспектуальности. Очевидно, что особенности взаимодействия формальных показателей грамматических значений категории вида и функционально-семантического поля аспектуальности, под влиянием определённых когнитивных факторов, как раз и порождают отсутствие видовых коррелятов у отдельных глагольных лексем. Проследим эту особенность на примерах глаголов *грянуть*, *очутиться*, выступающих только в форме совершенного вида, и глагола *приветствовать*, выступающего только в форме несовершенного вида. Лексема *грянуть* – это словоформа, областью определения которой является когнитивная репрезентация действия *грянуть* – «раздаться, загрохотать (о звуке); разразиться, неожиданно начаться» [17, с.332]. Превербальный этап языковой категоризации данного процесса можно представить в общем виде следующим образом: 1) когнитивные координаты процесса, формируемые схематизацией пространства, распределением внимания и степенью детализации – «он – здесь – уже»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется прототипическая категория данного действия, которую условно можно определить как «неожиданное действие». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные признаки аспектуальных характеристик данного действия, предопределяет невозможность «парадигмизировать» когнитивный концепт этого процесса в форме несовершенного вида.

Лексема *очутиться* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «пасть куда-нибудь, оказаться в каком-нибудь положении» [17, с.430]. Превербальный цикл языковой категоризации данного процесса можно представить следующим образом:

1) когнитивные координаты действия, формируемые схематизацией пространства, распределением внимания и степенью детализации, можно определить как «некто – где-то – уже»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется прототипическая категория данного процесса, которую условно можно определить как «неожиданность нахождения в каком-нибудь положении, месте». Вербальный цикл, в процессе которого формируются собственно языковые показатели аспектуальной характеристики данного действия, предопределяет отсутствие возможности «парадигмизировать» когнитивное представление о данном процессе в форме несовершенного вида.

Лексема *приветствовать* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*обращаться с приветствием к кому-нибудь (Приветствовать делегатов научной конференции)*» [17, с.621]. Превербальный цикл языковой категоризации этого процесса можно определить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «кто-то – где-то – сейчас»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс приветствия». Вербальный цикл, состоящий из этапов селекции и парадигмизации, в процессе которых формируются формальные показатели аспектуальной характеристики действия предопределяет видовую несоотнесенность когнитивной репрезентации данного процесса.

Модальность как универсальная понятийная категория характеризуется тем, что говорящий, формулируя содержание высказывания, отбирает языковые средства с целью передать своё отношение к высказываемому, и это отношение всегда выступает в активной форме. Определённый тип отношения к действительности заложен уже в самой грамматической форме наклонения. Этот тип отношения устанавливается и фиксируется в системе

форм наклонения как ячейке грамматической системы языка. Говорящий лишь выбирает ту или иную форму наклонения, используя присущее ей грамматическое значение для когнитивной реализации отношения данного действия в данном конкретном высказывании к действительности. Активность субъекта выражается в том, что он отбирает из арсенала средств языка те, которые являются наиболее приемлемыми для его коммуникативных заданий. Поле модальности необходимо рассматривать на синтаксическом уровне. Ядерность значений наклонения в его структуре предсказывает возможность образования или отсутствия образования морфологической формы и, как следствие, под влиянием когнитивных факторов обуславливает полноту или избыточность модальной парадигмы русского глагола. Рассмотрим это на примере глаголов *слышать* и *означать*, не имеющих форм императива. Глагол *слышать* – лексема, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «различать, воспринимать что-нибудь при помощи органов слуха (*Слышал* голоса спорящих)» [17, с.652]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «кто-то – здесь – сейчас»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «восприятие органами слуха». Вербальный цикл, состоящий из этапов селекции и парадигмизации, в процессе которых формируются формальные показатели модальной характеристики данного действия, предопределяет возможность образования формы сослагательного наклонения (*слышал бы*) и невозможность образования формы повелительного наклонения (семантика данного процесса, его соответствующая концептуальная репрезентация обуславливают дефектность модальной парадигмы лексемы *слышать*).

Глагол *означать* – лексема, областью определения которой выступает когнитивная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*значить, иметь значение чего-нибудь (Что означает ваше молчание?)*» [17, с.380]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «*что-то – здесь – теперь*»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «*значение для кого-чего-нибудь*». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели модальной характеристики данного действия, предопределяет возможность образования формы сослагательного наклонения (*означал бы*) и невозможность образования формы повелительного наклонения (семантика данного процесса, его пространственная координата, связанная с рамкой наблюдателя, обуславливают неполноту модальной парадигмы лексемы *означать*).

Функционально-семантическое поле личности также принадлежит к актуальному уровню синтаксиса и по своей структуре трехчленно, что отражает триаду коммуникации: говорящий – адресат – предмет речи. Ядром функционально-коммуникативного поля личности выступают глагольные формы лица, местоименные парадигмы. Поле личности наиболее ярко подчеркивает антропоцентрический характер организации текста, от чего зависит и тип модальности. Центральная позиция субъекта прогнозирует место и функцию всех остальных дейктиков. Первое лицо говорящего как раз и составляет сущность прагматического фактора, потому что говорящий, познавая своим «я» говорение, руководствуется стратегией, которая обеспечивает возможность общения, взаимодействия и разнообразных отношений.

Позиция субъекта предусматривает функциональную позицию временных форм. Поэтому поле персональности является вершинным относительно поля темпоральности на актуальном уровне синтаксиса. Объективное время отражается в языке не только в системе временных форм глагола, но и за пределами этой системы. Функционально-семантическая категория, опирающаяся на различные – морфологические, синтаксические, лексические – средства языкового выражения времени получила название темпоральности [28, с.16]. Глагольное время – грамматический центр, морфологическое ядро темпоральности. Средства выражения темпоральности относятся к разным уровням языка и не образуют однородной системы. Однако эти разнородные элементы могут вступать друг с другом в различные сочетания, могут взаимодействовать в конкретном высказывании, в речи. Фундаментальное свойство «субъективности» языка прослеживается в соотносённости содержания предложения с когнитивными координатами «я - здесь – теперь». Можно предположить, что особенности взаимодействия различных элементов полей темпоральности и персональности на когнитивном уровне порождают дефектность личной парадигмы некоторых глагольных лексем. Рассмотрим это на примере глаголов *затмить*, *убедить*, *залиться* у которых отсутствуют формы первого лица настоящего-будущего времени. Глагол *затмить* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*превзойти в каком-нибудь отношении (Затмить всех своим остроумием)*» [66, т.2., с. 59]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «он – здесь – сейчас»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «превосходство в чем-либо». Вербальный цикл, в процессе которого формируются

формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет, с одной стороны, возможность образования формы первого лица (семантика данного процесса совместима с его когнитивными координаты), с другой же стороны, формы типа *затмю, *затмлю, «прошедшие этапы селекции и парадигмизации», являются неприемлемыми с точки зрения речевого узуса.

Глагол *убедить* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «заставить поверить чему-нибудь (*Убедить слушателей в своей правоте*)» [17, с.929]. Превербальный этап речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «он – здесь–теперь»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется фрейм, или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс убеждения в чем-либо». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет, с одной стороны, возможность образования формы первого лица (семантика данного процесса совместима с его когнитивными координатами), с другой же стороны, формы типа *убедю «прошедшие этапы селекции и парадигмизации», являются неприемлемыми с точки зрения речевого узуса.

Глагол *залиться* – это лексема, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «попасть куда-нибудь (*о жидком*) *Вода залилась за воротник* [17, с.288]. Превербальный цикл речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «что-то – здесь – теперь»; 2) в соответствии с этими параметрами

формируется фрейм или прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс затекания куда-нибудь, во что-нибудь». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели темпоральной и персональной характеристики действия, предопределяет невозможность образования формы первого и второго лица настоящего-будущего времени, но уже в силу других причин: когнитивные координаты данного процесса не находят реализации именно в этих грамматических формах.

Функционально-семантическое поле состояния непосредственно принадлежит к актуальному уровню синтаксиса и в этой площади значительной мерой взаимодействует с компонентом будущности действия. Трансформация «актив–пассив» определяется позицией говорящего. Участие значений состояния глагола в определении числа зависимых компонентов, их качественной позиции квалифицирует их как чисто предикативную категорию, которой принадлежит «вершинная позиция» [42, с.11]. Центральным в оппозиции актива и пассива является когнитивный смысл, который отражает осознание реально-типологических отношений предмета и действия. Несоответствие в осознании говорящим данных отношений является, на наш взгляд, причиной дефектности залоговой парадигмы некоторых глаголов. Например, глагол *болеть* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – такие дифференциальные признаки: «*быть больным, переносить какую-нибудь болезнь (Болезнь ангиной)*» [17, с. 51]. Превербальный цикл речепорождения данной языковой единицы в общем виде выглядит следующим образом; 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «кто-то–здесь–теперь»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами как «процесс болезни». Семантика лексемы *болеть* не предполагает переход каких-либо

качественных или количественных характеристик процесса на объект действия. Следовательно, вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели залоговой характеристики действия, обуславливает ущербность залоговой парадигмы данного глагола.

Глагол *чудиться* – лексема, областью определения которой является концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*казаться мерещиться*» [17, с.789]. *Почудилось лето...* (С. Никитин «Падающая звезда», с. 32). Превербальный цикл речепорождения данной языковой единицы в общем виде выглядит следующим образом: 1) схематизация пространства, степень детализации и распределение внимания формируют следующие когнитивные координаты: «что-то – где-то – сейчас»; 2) в соответствии с этими параметрами формируется прототипическая категория данного процесса, чёткое определение которой представляется весьма затруднительным в силу «размытости» семантики процесса, а потому условно определяемая нами как «что-то несуществующее». Вербальный цикл, в процессе которого формируются формальные показатели залоговой характеристики действия, предопределяет невозможность реализации когнитивных координат этого процесса в форме действительного залога.

Атрибутивные формы русского глагола являются обязательными элементами в структуре его морфологической парадигмы. Однако далеко не все глагольные лексемы характеризуются высокой степенью регулярности образования причастных и деепричастных форм. Дефектность подобного рода, также может быть интерпретирована с точки зрения когнитивной специфики глагольного слова. Рассмотрим это на конкретных примерах. Например, лексема *брать* – это функция, категория, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация определенного действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*захватывать рукой (или чем-нибудь другим), принимать в руки (брать книгу со стола, брать лопату)*» [17, с.55]. Превербальный цикл речепорождения данной языковой

единицы выглядит следующим образом: 1) схематизация пространства, распределение внимания и степень детализации формируют такие когнитивные координаты этого процесса как «некто – здесь – сейчас»; 2) в соответствии с этими координатами формируется прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами «орудийный процесс». Вербальный цикл, состоящий из этапов селекции и парадигмизации, в процессе которых формируются собственно языковые показатели атрибутивной характеристики данного действия, предопределяет невозможность образования от данного глагола причастия в форме страдательного залога прошедшего времени (семантика этой морфологической формы несовместима с когнитивными координатами действия).

Лексема *глохнуть* – категория, областью определения которой выступает концептуальная репрезентация соответствующего действия, а значением – следующие дифференциальные признаки: «*слабеть, затихать, исчезать (Шум постепенно глохнет)*» [17, с.119]. Превербальный цикл речепорождения данной языковой единицы можно представить следующим образом: 1) схематизация пространства, распределение внимания и степень детализации формируют такие когнитивные координаты этого процесса как «что-то – где-то – сейчас»; 2) в соответствии с этими координатами формируется прототипическая категория данного процесса, условно определяемая нами «процесс затихания чего-л.». Вербальный цикл, состоящий из этапов селекции и парадигмизации, в процессе которых формируются формальные показатели второстепенности данного действия, предопределяет, с одной стороны, возможность образования формы деепричастия несовершенного вида **глохня*, с другой же стороны, подобная словоформа не является «узуально закреплённой» в современном литературном языке.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев морфологические парадигмы русского глагола в системе «объективная реальность ↔ человек ↔ язык ↔ речь», можно сделать вывод о том, что механизмы моделирования глагольных словоформ обеспечиваются путём взаимодействия и пересечения онтологических, функциональных, социальных и социально-психологических свойств языковых единиц.

Применение приёмов концептуального анализа позволило выявить факторы и причины, отражающие когнитивную специфику грамматически дефектных глаголов, вскрыть характер взаимодействия онтологических и функциональных свойств, предопределяющий подобные языковые аномалии.

Когнитивная специфика морфологических парадигм заключается в своеобразии соотношения мышления, мыслительного содержания и грамматических категорий, что особенно чётко проявляется при выражении объективных свойств действительности в грамматических формах. Средства, которые выражают систему категориальных значений в мыслительных интенциях, находятся между собственно языковыми и внеязыковыми сущностями.

Инвентарь категориальных значений и их репрезентантов, морфологических форм, ориентирован на отражение концептуальной картины мира в сознании говорящего. В концептуальной картине мира очень важную роль играет разграничение процессов и актантов как важнейших носителей представления об окружающей действительности.

Рассмотрение морфологических форм с точки зрения языковой категоризации позволяет предположить, что когнитивная составляющая глагольной парадигмы и ее соотнесение с лингвистическим воплощением в языковых формах заключается, во-первых, в способности самостоятельно строить предикат, выполнять предикативную функцию, во-вторых, имплицировать в прототипическом окружении один или более одного

аргумента, наконец, служить обозначением какого-либо вида деятельности, действия, указывая в своей семантике на определённые хронотопные характеристики процессов.

Исследование ономаσιологических характеристик русского глагола в когнитивном аспекте позволяет наиболее полно выявить особенности, влияющие на выбор морфологической формы в акте речевой коммуникации, и заполнение данной формой своего места в соответствующей морфологической парадигме.

Механизмы речепорождения парадигматических элементов глагольной лексемы соотносимы с механизмами языковой категоризации морфологических форм, но в то же время не тождественны им: в речи происходит выбор формы, которая наиболее полно соответствует целям и задачам коммуникации, что обусловлено влиянием когнитивных факторов различного порядка.

Основными причинами, обуславливающими формообразовательную специфику отдельных глаголов (избыточность или дефектность), с одной стороны, являются особенности взаимодействия и реализации когнитивной информации в языковых знаках. С другой стороны, особенности взаимодействия формальных показателей грамматических значений определенной морфологической категории и элементов функционально-коммуникативного поля также порождают ущербность или вариативность структурных элементов глагольной парадигмы.

. Формообразовательная специфика парадигмы глагола обуславливается когнитивными факторами, связанными как с языковой категоризацией, так и с речепорождением, являющимися результатом пересечения взаимодействующих сил лингвокоммуникативного пространства. Это собственно когнитивные, когнитивно-коммуникативные, когнитивно-прагматические и ситуативно-прагматические факторы.

Когнитивный фактор – это внеязыковая сущность, относящаяся к реалиям и процессам физической, социальной и психологической

действительности, в условиях которых возникает и функционирует глагольная словоформа.

К числу собственно факторов, влияние которых происходит на глубинном уровне, относятся время, вектор силы, позиция субъекта и объекта действия, формирующие когнитивные координаты процесса, специфика членения информации на этапе внутреннего программирования речепорождения языковой единицы. Взаимодействие и взаимовлияние данных факторов предопределяет дефектность видо-временных, модальных и залоговых парадигм.

К числу когнитивно-коммуникативных факторов, влияние которых происходит на поверхностном, приближенном к языку уровне, относятся лингвистическая компетенция говорящего и особенности концептуализации языкового материала. Данная группа факторов предопределяет формообразовательную специфику дефектных парадигм лица и атрибутивных форм.

В состав когнитивно-прагматических факторов входят следующие элементы: это позиция наблюдателя и событийная рамка, определяемая его координатами в пространстве, а также коммуникативный интерес говорящего, формируемый прагматическим потенциалом высказывания. Данные факторы обуславливают дефектность парадигмы залога и избыточность (вариантность) форм вида и времени.

В число ситуативно-прагматических факторов также можно включить позицию наблюдателя и коммуникативную направленность высказывания, однако их воздействие происходит на уровне, приближенном к языку, и предопределяет в основном избыточность видовых и временных элементов глагольной парадигмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони Б. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Ленинград : Наука, 1988. 239 с.
2. Алпатов В.М. О способах построения функциональной грамматики. *Проблемы функциональной грамматики*. Москва : Русский язык, 1985. С. 49-55.
3. Анисимова Н.П. Проблема категоризации: теория прототипов или модель необходимых и достаточных условий? *Семантика слова и текста: психолингвистические исследования*. Тверь : ТГПИ, 1998. С. 15-24
4. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ синтаксиса. Порождение речи. Москва : Наука. 1989. 215 с.
5. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 185 с.
6. Баракатова Н.А. Парадигма дієслова в сучасній українській мові : автореф. дис. ... канд.філол.наук : 10.02.01. Дніпропетровськ, 1999. 18 с.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики. *Известия АН. Серия лит. и яз.* 1997. № 1. С.11-21.
8. Бацевич Ф. С. Очерки по функциональной лексикологии. Львов : Свит, 2001. 150с.
9. Бацевич Ф.С. Когнітивне і лінгвальне в процесах вербалізації (на матеріалі аномальних висловлень). *Мовознавство*. 1997. № 6. С.30-36
10. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий. *Когнитивные аспекты языковой категоризации*: сб. науч.тр. / отв.ред. А.Б. Холодова. Рязань, 2000. С. 9-14.
11. Берестнев Г. И. О «новой реальности» языкознания. *Филологические науки*. 2002. № 4. С. 47-55.
12. Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация времени. *Единство системного и функционального анализа языковых единиц*: сб. научн. тр. Белгород, 2005. С.12-23

13. Богданов В.В. Деятельностный аспект семантики. *Прагматика и семантика синтаксических единиц*. Калинин : Основание, 1998. С.34-52.
14. Богуславский И.М. Сфера действий лексических единиц. Москва : Наука, 1990. 170 с.
15. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. Санкт-Петербург : Альянс, 2000. 250 с.
16. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов : Пресс-релиз, 2000. 154 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. П.С. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2003. 1258 с.
18. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. Москва : Наука, 1971. 239 с.
19. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Ленинград : Просвещение, 1976. 158 с.
20. Бондарко А.В. К проблеме универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений. *Вопросы языкознания*. 1996. № 2. С.5-17.
21. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград : Наука, 1980. 240 с.
22. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. Москва : Высшая школа, 1987. 288 с.
23. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Москва : Высшая школа, 1981. 193 с.
24. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Просвещение, 1990. 220 с.
25. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва : Русский язык, 1984. 784 с.
26. Володин А.П., Храковский В.С. Типология морфологических категорий глагола (на материале агглютинативных языков). *Типология*

- грамматических категорий (Мещаниновские чтения)* : сб. научн. тр. Москва : Просвещение, 1975. С. 170-196.
27. Выготский Л.С. Мышление и речь. *Избранные психологические исследования*. Москва : Наука, 1976. С. 39-47.
28. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов в изучении языка. *Проблемы функциональной грамматики*. Москва : Наука, 1985. С. 5-15.
29. Гак В.Г. Номинация действия. *Логический анализ языка. Модели действия*. Москва: Высшая школа, 1992. С. 77-81.
30. Генералова Л.М., Ребрина Л.Н. О когнитивной сущности семантического падежа. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 2. С. 58-63.
31. Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы : Галым, 2003. 240 с.
32. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. *Вопросы языкознания*. 1994. № 4. С. 19-26.
33. Джекендорф Р. Семантическая интерпретация порождающей грамматики. Кембридж : Университет Кембриджа, 1982. 300 с.
34. Докулил М. К вопросу о морфологической категории. *Вопросы языкознания*. 1977. № 6. С. 3-16.
35. Дорошевский В.М. Элементы лексикологии и семиотики. Москва : Просвещение, 1983. 287 с.
36. Иванова И.П. Структура слова и морфологические категории. *Вопросы языкознания*. 1986. № 1. С. 55-61.
37. Иволгина С.В. Уровни концептуализации количества и их языковая репрезентация. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: сб. научн. тр. Воронеж : ВГУ, 2011. С. 151-153.
38. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Просвещение, 1987. 289 с.

39. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва : Русский язык, 1994. 148 с.
40. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Москва : Наука, 1988. 309 с.
41. Касевич В.Б., Храковский В.С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики. *Категории глагола и структура предложения* / под ред. В.С. Храковского. Ленинград : Наука, 1993. С.78-91.
42. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке. *Известия АН. Сер. лит и яз.* 1999. Т. 55. № 3. С. 3-24.
43. Кравченко Н.Н. Когнитивно–семантический анализ глаголов *сидеть, стоять и лежать*. *Вестник Московского государственного университета : Серия 9. Филология.* 1998. № 5. С. 62-72.
44. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии. *Язык: Теория, история, типология.* Москва : Фолио-пресс, 2000. С. 22-27.
45. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики. *Логический анализ языка: модели действия.* Москва : Наука, 1992. С.84-90.
46. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. *Вопросы языкознания.* 1994. № 4. С. 47-55.
47. Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении. *Общие проблемы строения и организации языковых категорий.* Москва : Наука, 1998. С. 7-12.
48. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие. *Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка,* 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.
49. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. Москва : Институт языкознания РАН, 2002. 331 с.

50. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получению знаний о языке. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 475 с.
51. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва : Знание, 1996. 385 с.
52. Лакофф Дж. Когнитивная семантика. Москва : Знание, 1988. 405 с.
53. Лейкина Б.М. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения. *Проблемы теории грамматического залога* /под ред. В.С. Храковского. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. С.43-49.
54. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Москва : Смысл, 1999. 180 с.
55. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. Москва : Наука, 1975. 180 с.
56. Мартынов В.В. Категории языка: Семиологический аспект. Москва : Наука, 1982. 192 с.
57. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. Москва : Просвещение, 1981. 245 с.
58. Паршин Г. Б. Теоретические перемены и методологический мятеж в лингвистике XX века. *Вопросы языкознания*. 2002. № 2. С. 19-39.
59. Плуныян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Москва : Эдиториал УРСС, 2005. 302 с.
60. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой. Москва : Наука, 1988. 540 с.
61. Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры. *Вопросы языкознания* 2004. № 6. С. 19-35.
62. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. Киев : Изд-во Украинского филологического центра, 2000. 248 с.
63. Семиколенова О.І. Аспекти граматичної інтерпретації російського дієслова в тлумачних словниках. *Мовознавство*. 1999. № 1. С. 10-17.
64. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. Москва : Наука, 1988. 214 с.

65. Серль Дж. Природа интенциональных состояний. *Философия, логика, язык*. Москва : Прогресс, 1987. 196 с.
66. Словарь русского языка в 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва : Полиграфресурсы, 1999.
67. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. Москва : Наука, 1986. 242 с.
68. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). Москва : Эдиториал УРСС, 2002. 189 с.
69. Талми Л. Отношение грамматики к познанию. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 1999. № 1. С. 88-115.
70. Фуре Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.02. Тамбов, 2004. 40 с.
71. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта. *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва : Прогресс, 1983. С. 29-37.
72. Langacer R. Predicate Rising: some Uto-Azreach evidence. Urbana: University of Illinois Press, 1973. 600 p.
73. Shlesinger J. M. Production of Utterance und language Acquisition. The ontogenesis of Grammar. N.Y., 1971. 400 p
74. Simon H. A. The sciences of the Artificial-Cambridge, 1979. 250 p.
75. Talmy L. The relation of Grammar to Cognition. Rudzka – Ostyn B. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam : Benjamin's, 1988. P. 165-205.

**Декларація
академічної доброчесності
здобувача ступеня вищої освіти ЗНУ**

Я, Шевкопляс Оксана Василівна, студент(ка) магістратури, форми навчання заочної, факультету філологічного спеціальності 035 "Філологія" спеціалізації 035.03 "Слов'янські мови та літератури (переклад включно). Перша - російська" освітньої програми "Російська мова і зарубіжна література. Друга мова", адреса електронної пошти shevkorplyasoksana@gmail.com, підтверджую, що написана мною кваліфікаційна робота на тему «Лінгвокогнітивна характеристика флективної недостатності морфологічних парадигм російського дієслова»

- відповідає вимогам академічної доброчесності та не містить порушень, що визначені у ст. 42 Закону України «Про освіту», зі змістом яких ознайомлений/ознайомлена;
- заявляю, що надана мною для перевірки електронна версія роботи є ідентичною її друкованій версії;
- згоден/згодна на перевірку моєї роботи на відповідність критеріям академічної доброчесності у будь-який спосіб, у тому числі за допомогою інтернет-системи а також на архівування моєї роботи в базі даних цієї системи.

Дата _____ Підпис _____ ПІБ (студент) Шевкопляс О.В.

Дата _____ Підпис _____ ПІБ (науковий керівник) Мацегора І.Л.